

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ КНДР**

(Научный доклад)

Москва
ИМЭМО РАН
2012

УДК 332.012.2(519.3)
327(519.3)
ББК 65.9(5К00)
66.3(5К00)
Основн 752

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Ответственный редактор – д.э.н. А.Н. Федоровский

Основн 752

Основные тенденции социально-экономического и внутривнутриполитического развития КНДР /
Отв. ред. – А.Н. Федоровский. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 64 с.

ISBN 978-5-9535-0357-0

В докладе проанализировано современное состояние экономической и политической систем Северной Кореи, дана оценка реальной социально-экономической ситуации в стране, проведено сравнение положения в КНДР с похожими этапами развития коммунистических режимов в СССР и Восточной Европе. На этой основе проанализированы возможные перспективы эволюции северокорейского режима, степень вероятности осуществления реформ по китайскому или вьетнамскому образцам, открытия страны внешнему миру. Показаны те основные факторы, которые на сегодняшний день обеспечивают относительную социально-экономическую и политическую стабильность страны и с которыми придется иметь дело самим северокорейцам и мировому сообществу, в случае начала трансформации нынешнего тоталитарного, командно-административного и закрытого режима в направлении создания рыночной экономики и вступления в мировое сообщество в качестве «нормальной» страны.

DPRK: Fundamental Trends in Socio-Economic and Domestic Political Developments (Analytical Report).

Authors of report analyzed the current state of economic and political systems of North Korea. They give their assessments of real socio-economic situation in the country. Special attention has been also devoted to compare current situation in DPRK with similar stages of development of the communist regimes in USSR and Eastern Europe. This comparison allowed for looking at possible perspective of evolution of North Korean political regime, to assess the likelihood of reform's implementation in North Korea according to what took place in China or Vietnam and possibility for the country to be opened to outside world. In the report factors are shown that for the moment provide the opportunity to secure relative socio-economic and political stability in North Korea. North Koreans themselves and the world community will have to face an influence of those factors if current totalitarian, command-administrative and closed political regime finally starts its transformation towards introducing market economy and becoming a member of the world community as a "normal" country.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0357-0

© ИМЭМО РАН, 2012

Содержание

Введение	5
Основные фазы кризиса «реального социализма» и модели «выхода» из этой системы	6
Общая характеристика политико-экономических устоев режима	21
Проблемы социальной сферы	39
Влияние внешнего фактора на социально-экономические процессы	46
Возможные варианты разрешения кризиса северокорейского режима	57
Заключение	59

Введение. Настоящее исследование подготовлено в Центре Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН под руководством зам директора Института, член-корр. РАН В.В. Михеева (авторы: В.Б. Амиров, В.В. Михеев, А.Р. Рябов, А.Н. Федоровский, В.Г. Швыдко) при участии ряда ведущих российских экспертов, многие годы занимающихся практической работой на корейском направлении.

Цель исследования – показать основные, знаковые компоненты северокорейской политической и экономической системы. Вычленив те основы, которые на сегодняшний день обеспечивают ее относительную стабильность и с которыми придется иметь дело самим северокорейцам и мировому сообществу в случае начала трансформации нынешнего тоталитарного, командно-административного и закрытого режима в направлении рыночной экономики и открытости.

Авторы работы исходят из того, что сегодня, в отличие от советских времен, они не могут превзойти южнокорейских исследователей по объему получаемой информации о Северной Корее.

Свои конкурентные преимущества авторы видят в следующем:

- понимание общих закономерностей развития внутриполитической ситуации в социалистических странах накануне краха режима;
- знание внутренностей северокорейского общественного организма и видение его среднесрочных перспектив на основе личного опыта многих десятилетий работы по северокорейскому направлению;
- использование при анализе Северной Кореи опыта рыночно-демократических преобразований в странах бывшего социализма.

Авторы рассматривают данное исследование как подготовительный этап оценки возможной трансформации Северной Кореи в период после Ким Чен Ира.

В работе рассматриваются следующие вопросы:

- Теоретические и политические аспекты кризиса т.н. «реального социализма».
- Основные тенденции развития внутриполитической и социально-экономической ситуации в Северной Корее.
- Роль борьбы за власть и «черно/серой экономики».
- Влияние внешнего, главным образом китайского фактора на внутреннее развитие страны.
- Существующие основы для «мягкой посадки» режима в случае начала реальных перемен.

ОСНОВНЫЕ ФАЗЫ КРИЗИСА «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА» И МОДЕЛИ «ВЫХОДА» ИЗ ЭТОЙ СИСТЕМЫ

«Реальный социализм»: фундаментальные основы системы

Для понимания природы и механизмов развертывания кризиса коммунистического общественного строя (или «реального социализма», как его тогда называли в бывших социалистических странах) огромное значение имеет выбор эффективных исследовательских методик. Широко распространенное в западной, в первую очередь американской литературе, представление об исторической обреченности коммунизма из-за неэффективности его экономической системы, ее неспособности конкурировать с капитализмом в обеспечении социального прогресса, не более, чем констатация. В познавательном плане это представление мало что дает.

В конечном счете, примитивный аграрный коммунизм в Камбодже в период правления там «красных кхмеров» при всей своей экономической неэффективности мог бы просуществовать еще многие годы, если бы не вьетнамская интервенция, уничтожившая власть Пол Пота и его партии. В Северной Корее коммунистический общественный строй, причем в одной из наиболее жестких сталинистских версий, существует и поныне, хотя его социально-экономическая несостоятельность очевидна.

Исследование кризиса коммунистической общественной модели предполагает выявление как общих черт его развертывания в глобальном масштабе, так и региональной и национальной специфики в тех или иных группах государств или же в отдельных странах «реального социализма». В этой связи представляется важным понять:

- во-первых, когда, на какой фазе развития коммунистического строя начинается его кризис, какие стадии он проходит,
- во-вторых, не менее значимым является также понимание алгоритма развертывания кризиса.

Иными словами, речь идет о необходимости изучения тех внутрисистемных взаимодействий, которые постепенно приводят к внутренней эрозии коммунистического строя, его деградации и, в конечном счете, к разрушению. Для решения данной задачи важными является не столько описание феномена коммунистической модели, сколько ее структурно-функциональный анализ. Именно эти два отмеченных подхода и положены в основу рассмотрения кризиса коммунизма как общественной системы в данной работе.

Хорошо известно, что коммунистическая система базируется на нескольких фундаментальных принципах. Это, в первую очередь, полное доминирование государственной собственности на средства производства; безраздельная власть правящей коммунистической партии; единая и обязательная для всего общества идеология и отсутствие легальных условий для не зависимой от государства политической, хозяйственной или общественной деятельности.

Именно такая организация общества, по мысли коммунистических идеологов, только и могла обеспечить социальную справедливость, равенство и постепенное преодоление классовых различий, бескризисное общественное развитие. Однако практика коммунистического строительства оказалась иной. Тем не менее, как и многие общественные модели в истории человечества, на этапе своего становления коммунистический строй не подавал признаков будущего кризиса.

В процессе восхождения к власти коммунистические партии, не будучи связанными с правящими слоями, эффективно манипулировали протестными настроениями значительных масс населения. Обличая коррупцию высших классов, царившую в обществе социальную

несправедливость, коммунисты с помощью пропаганды утопических настроений об идеальном общественном строе без богатых и бедных, которые традиционно становятся популярными среди массовых слоев в годы великих потрясений, умело направляли общественные настроения против существующего строя. А после захвата власти они осуществляли экономические и политические изменения в соответствии с провозглашенными ими идеологическими доктринами.

Наиболее успешными коммунистические партии оказались в странах, относившихся к периферии и полупериферии мирового капитализма. Именно там, где частный капитал был слабым и оказывался не в состоянии обеспечивать быстрое развитие экономики и социальный прогресс, правящие коммунистические партии добивались заметных успехов в проведении индустриализации, повышении образовательного уровня населения. В этой связи вплоть до начала 70-х годов XX века коммунистическая система по основным показателям социально-экономического развития считалась вполне конкурентоспособной в соревновании с капитализмом. Особую привлекательность она имела в странах третьего мира с их отсталыми аграрными экономиками и архаичными социальными отношениями, в государствах, недавно освободившихся от колониализма.

Официальная доктрина и практика функционирования коммунистических режимов базируется на безусловном примате государственных интересов над частными. В крайних интерпретациях этой доктрины частные интересы вообще должны перестать существовать, полностью растворившись в государственных. Именно такого понимания придерживались «красные кхмеры» в период своего пребывания у власти в Камбодже (1975-1978 годы). Очень близко к подобным установкам подходили корейские (во времена Ким Ир Сена) и китайские коммунисты (в период так называемой «великой культурной революции»).

Примечательно, что после своего визита в КНДР в 1977 г. глава режима «красных кхмеров» Пол Пот мягко покритиковал северокорейских товарищей за некоторые уступки «буржуазному образу жизни». Так, по его мнению, и после работы трудящиеся должны оставаться в коллективе. Поэтому и обедать они должны вместе, всем кооперативом, цехом, бригадой, а не как в Северной Корее, в кругу своей семьи. Следует отметить, что в этой бытовой детали Пол Пот четко распознал угрозу коммунистическому порядку: любое обособление частного пространства ослабляет контроль над обществом со стороны тотального государства, что потенциально может привести к возникновению оппозиции.

Советский диктатор Иосиф Сталин также полагал, что процесс строительства социализма, а затем и «бесклассового общества» - коммунизма должен сопровождаться нарастанием огосударствления экономики и усилением государственного контроля над всеми сферами общественной жизни. В своей предсмертной работе «Экономические основы социализма в СССР» (1952 г.), говоря о практических задачах по построению в Советском Союзе «бесклассового общества», он настаивал на необходимости поглощения государством оставшихся негосударственных форм собственности, включая кооперативную.

Однако отказ от частного интереса противоестественен человеческой природе, которая неизбежно будет искать любую возможность сопротивления попыткам его подавления. Поэтому в ходе строительства «реального социализма» правящие коммунистические партии повсеместно сталкивались с сопротивлением со стороны различных социальных групп, причем не обязательно тех, которые в их понимании относились к «эксплуататорским классам».

Для преодоления этого сопротивления, насильственного подчинения граждан новой системе, а также принуждения к труду, не подкрепленному мотивацией частного интереса, коммунистическим режимам потребовалось использование массового террора. Причем власть использовала машину террора не только против непривилегированных слоев

населения, но и «революционных общественных классов» – пролетариата и трудового крестьянства, партийного и государственного аппарата, опасаясь его постепенного «обуржуазивания».

В свою очередь, для идеологического оправдания террора и административного принуждения к труду, а также для институционального оформления этой практики стало необходимым строительство общества мобилизационного типа, напоминающего военный лагерь. Разумеется, что такое общество могло существовать только в условиях перманентной конфронтации с различными врагами – внешними и внутренними. Задача «освобождения» все новых и новых стран из-под «власти мирового капитала» являлась идеологическим обоснованием необходимости борьбы с врагами на длительную историческую перспективу.

Отказ от террора и попытка создания «гуманного социализма»

Первые признаки кризиса коммунистической системы возникают по завершению периода ее становления, когда она окончательно оформляется в качестве нового общественного строя. Новый правящий класс формально не владеет собственностью, но обладает всей властью в стране. Он, как правило, состоит из трех основных групп.

Ведущую позицию в определении политического курса играет партийная номенклатура. Поскольку основу экономики составляет нацеленная на войну индустрия, ее в руководстве страны представляет верхушка армии и директорат военно-промышленных предприятий. И, наконец, третья группа представлена тайной полицией и спецслужбами, на которых лежит ответственность за функционирование машины террора и борьбы с внутренними врагами.

В отличие от этой классической картины, характерной для бывшего Советского Союза, КНР, КНДР и Вьетнама, в странах Восточной Европы и на Кубе в виду незначительности масштабов военной экономики генералитет армии и спецслужбы составляли одну группу, а директора промышленных предприятий, представлявшие национальную экономику – другую.

Новый правящий класс, окончательно уничтожив прочие социальные группы, которые потенциально могли бы выступить в качестве его соперников в борьбе за власть, начинал тяготиться социально-экономическими и идеологическими ограничениями, обусловленными политической системой мобилизационного типа. Он захотел большей свободы, в первую очередь касающейся потребления. На тот момент его желания не выходили за рамки официальной идеологии и общественной системы.

В Советском Союзе такая склонность номенклатуры стала проявляться уже в первой половине 1930-х годов. Сталин не случайно увидел в этом стремлении правящего класса угрозу созданной им системе. И это явилось одной из главных причин того, что «большой террор» 1937-1939 гг. в значительной степени был направлен против различных привилегированных групп – партийных и советских чиновников, директората предприятий, высших командных кадров в армии.

В КНР аналогичная проблема возникла позднее – к середине 1960-х годов. Ответом на нее со стороны власти стала «Великая культурная революция», задачами которой являлись замена «обуржуазившихся» партийных работников на новую генерацию «выходцев из рабочих и крестьян», а также приближение основ общественной жизни к классическим нормам коммуны с ее тотальным обобществлением и полным подавлением частного интереса.

Первая попытка относительного «смягчения» коммунистической системы, которая в Советском Союзе связывалась с воззрениями группы Николая Бухарина в руководстве

правлящей партии, оказалась неудачной. Бухаринцы предлагали воздержаться от форсированного строительства тяжелой и оборонной промышленности, от принудительной коллективизации крестьянства. Они выступали за рыночные отношения между городом и селом, за сохранение мелкой частной торговли и преимущественное развитие легкой промышленности как дающей толчок росту внутреннего потребления. «Большой террор» 1937-1939 гг., жертвой которого в том числе стала и группа Бухарина, напротив, лишь усилил этатистские, военно-мобилизационные основания системы. Степень ее централизации еще более выросла.

Вторая попытка была предпринята сразу после смерти Сталина. К началу 1950-х годов партийно-советская номенклатура превратилась в устойчивый самовоспроизводящийся слой, желавший спокойного существования, без репрессий и мобилизаций. Некоторые историки даже полагают, что смерть наиболее могущественного диктатора коммунистического мира явилась результатом заговора против него, возникшего внутри руководства страны. Согласно этой версии, заговорщики, правомерно опасавшиеся, что станут жертвами следующей волны террора, которая уже планировалась Сталиным, ощущали заинтересованность всего правящего класса в отказе от практики массовых репрессий.

Теоретически Сталин, наверное, еще мог бы ее сохранить на какое-то время прежнюю систему без изменений, если бы осуществил массовую чистку укрепившейся в качестве новой элиты партийной номенклатуры. Но для этого вождю нужно было напрямую апеллировать к массам и, иницируя создание антиноменклатурного народного движения, превратить его в новую опору своей власти.

Именно так поступил Мао Цзэдун, иницировав «великую культурную революцию». По указанию Мао в Китае были созданы многомиллионные отряды хунвэйбинов и цзяофаней, развязавших террор против партийного и государственного аппарата. Но Сталин к концу жизни, ощущая себя живым полубогом, переоценил свои возможности. Он рассчитывал расправиться со слишком усилившимися группировками номенклатуры традиционными методами, опираясь на мощь спецслужб.

Однако диктатор не заметил чувствительных контрударов со стороны его скрытых оппонентов, сумевших устранить к началу 1953 г. лично преданных ему людей (секретаря Александра Поскребышева, начальника охраны Николая Власика, коменданта Кремля Петра Косынкина). Поэтому в тот самый момент, когда решалась судьба его жизни и смерти, Сталин остался один.

Десталинизация 1953-1956 годов, начавшаяся в Советском Союзе после смерти диктатора, ознаменовала собой первый этап кризиса коммунистической системы. Она затронула в основном ее политические и идеологические институты, провозгласив отказ от массового террора, признав неизбежность существования частных интересов в обществе и значимость личного выбора в социальном поведении индивидов.

В новом варианте коммунистической идеологии, который стал разрабатываться пришедшем на смену Сталину руководстве СССР во главе с Никитой Хрущевым, фактически ставилась задача найти гармонию общественных (фактически государственных) и частных интересов. Хрущевские идеологи утверждали, что укрепление государства важно не само по себе, а лишь как средство для развития человеческой личности, раскрытия ее индивидуальных способностей.

В целом такая версия коммунизма отвечала настроениям и непривилегированных слоев населения, также уставших от террора, связанного с ним страха и бесконечных ограничений во имя высших государственных интересов. Симптоматично, что именно в процессе хрущевских реформ в Советском Союзе начинают развиваться отрасли

промышленности, работающие на удовлетворение потребительского спроса населения, частного интереса. Создаются предприятия по производству различных видов бытовой техники. Начинает реализовываться программа строительства индивидуальных квартир для советских граждан, большинство которых в сталинские времена проживали в так называемых «коммуналках» – общих квартирах, где одновременно ютились сразу несколько семей.

Таким образом, начавшийся процесс «индивидуализации повседневной жизни» создает материальную основу для постепенного обособления частного интереса и превращения его в реальный фактор общественной жизни, а позднее, и политики. Ослабевают и мобилизационные основы коммунистической системы, после того, как Хрущев провозгласил курс на мирное существование государств с различным общественным строем.

И хотя на практике Советский Союз и США продолжили жесткое соперничество за влияние в мире и даже оказались на грани ядерной войны в период «Карибского кризиса» (1962 г.), все-таки новая внешнеполитическая доктрина толкала руководство СССР к постепенному смягчению коммунистического общественного строя. При этом в годы хрущевских реформ экономическая система страны, базировавшаяся на доминировании государственной собственности и административных рычагах управления, осталась без изменений. И это сдерживало дальнейшую эволюцию коммунистического общественного строя.

Под влиянием изменений в главной державе «реального социализма» волна десталинизации прокатилась по странам Восточной Европы. Однако она не затронула Китай, Албанию и Северную Корею. В КНР Мао Цзэдун в целях сохранения своей власти и политической системы сталинского типа организовал так называемый «Большой скачок». Равняясь на него, такую же политику по ужесточению режима стал проводить лидер Албании Энвер Ходжа.

В Северной Корее Ким Ир Сен, возглавлявший так называемую «маньчжурскую» группировку в руководстве Трудовой Партии Кореи (ТПК), отстаивал принципы ортодоксального сталинизма в противовес представителям «советской» и «яньаньской» группировок. Эти группировки вслед за Георгием Маленковым, одним из лидеров послесталинского руководства СССР, выступали за приоритетное развитие легкой промышленности и сельского хозяйства в процессе строительства социализма.

Необходимость противодействия новой смягченной версии советского коммунизма, сторонниками которой выступали корейцы-выходцы из СССР («советская» группировка), заставила Ким Ир Сена обратиться к созданию собственной модели коммунистической идеологии – идеям чучхэ. На августовском Пленуме ЦК ТПК в 1956 г. «советская» и «яньаньская» группировки были разгромлены, и в Северной Корее окончательно утвердилась сталинская система в ее чрезвычайно жестком варианте¹.

Примечательно, что в странах, где у власти остались приверженцы ортодоксальных моделей коммунизма, законность частных интересов по-прежнему не признавалась, а идеология неизбежного вооруженного столкновения «с мировым империализмом», как и ранее, надежно служила оправданием для существования экономик военно-мобилизационного характера.

В то же время уже на этой ранней стадии утверждения «реального социализма» в некоторых странах Азии обнаружили заметные расхождения в теории китайского и

---

¹ Син Се Ра. Политическая борьба в руководстве КНДР в 1953-1956 годах: причины и динамика // Проблемы Дальнего Востока, 2009, № 3, с. 131.

северокорейского коммунизма, которые впоследствии оказали сильное влияние и на практику «социалистического строительства».

Так, в руководстве Компартии Китая (КПК) возобладали взгляды Мао Цзэдуна, считавшего, что в современную эпоху главной силой мирового революционного процесса становится крестьянство. Именно поэтому руководство КПК даже в ходе жестких социальных преобразований и массовых репрессий, осуществлявшихся в годы «великой культурной революции», никогда не ставило задачу ликвидации крестьянства как класса. Именно поэтому в КНР был сохранен мощный аграрный сектор.

В Трудовой партии Кореи, несмотря на победу идей чучхэ, доминировали иные представления о социальной структуре общества и его экономической системе, очень близкие к взглядам советского руководства. Согласно этим воззрениям, ведущей революционной силой считался индустриальный рабочий класс, главная задача строительства социализма сводилась к осуществлению индустриализации экономики, созданию мощного военно-промышленного комплекса, этого гаранта национальной независимости. Сельскому же хозяйству, крестьянству отводилась явно второстепенная роль обслуживания интересов города.

В результате сельское хозяйство Северной Кореи, как и Советского Союза, было со временем загублено бесконечными мобилизационными кампаниями и изъятиями произведенных продуктов, в том числе и через заведомо низкие цены, для нужд поднимающейся промышленности и рабочего класса, «главной революционной силы общества».

Попытки «вживления» элементов рынка в стагнирующую экономику

Избавление Советского Союза и большинства стран Восточной Европы от массового террора открыло перед ними новые возможности развития и при этом ознаменовало переход к новому этапу кризиса коммунистической системы. Освободившись от страха репрессий, правящий класс стал всерьез задумываться о возможности расширения своего потребления. Однако оно не только строго регулировалось различными внутривластными инструкциями, но и ограничивалось скудными возможностями экономики, основанной на жестком администрировании.

В то же время отказ от репрессий как средства принуждения к труду, безуспешные попытки заменить ее моральными стимулами, обусловили заметное падение производительности труда. В начале 1960-х годов в экономике Советского Союза и стран Восточной Европы началось снижение темпов экономического роста, стали проявляться признаки наступающей стагнации. Ответом на это были попытки реализации экономических реформ, задача которых состояла в том, чтобы, сохраняя государственно-административную основу экономики, укрепить ее путем «вживления» квази-рыночных механизмов в Советском Союзе, а в случае Венгрии и Югославии – элементов рыночного хозяйства.

В первую очередь реформы коснулись предоставления определенной экономической самостоятельности предприятиям (СССР), расширения сферы мелкого предпринимательства и кооперативного сектора (Венгрия), введения «рабочего самоуправления» на фабриках и заводах вместо всевластия прежней, назначенной государством администрации (Югославия).

Инициаторы реформ рассчитывали, что появление ограниченной экономической свободы задействует стимулы материальной заинтересованности в результатах труда и тем самым позволит поднять его производительность в масштабах всего народного хозяйства. Но одновременно реформы 1960-х воспринимались наиболее продвинутой частью

номенклатуры, работавшей непосредственно на производстве или в структурах управления экономикой, как реальная возможность для легального повышения своих доходов.

Такая перспектива открывалась, прежде всего, перед хозяйственной номенклатурой, директором промышленных предприятий, руководителями сельскохозяйственных кооперативов. В Восточной Европе экономические реформы придали мощный толчок активизации частных интересов и возрождению структур гражданского общества, которое начало оказывать возрастающее влияние на общественные настроения.

В Чехословакии продвинутые слои партийной номенклатуры, получившие массовую поддержку со стороны большей части населения, попытались одновременно с экономическими реформами осуществить и политические преобразования: отменить официальную монополию коммунистической идеологии и ввести многопартийность.

Однако эти устремления встретили жесткую реакцию со стороны руководства СССР и других коммунистических стран Восточной Европы, организовавших в августе 1968 г. интервенцию войск стран Организации Варшавского Договора в Чехословакию. Реформаторы были насильственно отстранены от власти, активные участники движения в поддержку преобразований репрессированы или эмигрировали.

В стране восстановился традиционный коммунистический режим с государственной экономикой, но, правда, с определенными послаблениями в области культуры. Например, широкое распространение в Чехословакии получила западная массовая культура, которая активно питала национальные культурные течения. Таким образом, частный интерес был вытеснен из политики и экономики (в основном), но сохранился как мощный фактор социальной и культурной жизни.

Финал: различные сценарии

В 1970-е годы ситуация в мире начинает меняться. «Реальный социализм», который в течение долгого времени являлся привлекательной моделью для многих стран третьего мира, освободившихся от колониального господства, начинает проигрывать соревнование с капитализмом по всем линиям – по производительности труда и темпам технического обновления производства, научно-техническому прогрессу и уровню жизни населения. Разрывы становятся настолько очевидными, что их невозможно скрыть или замолчать. В то же время ограниченные экономические реформы 1960-х годов, предпринятые в ряде стран, не дали ожидаемых результатов.

В СССР реализация реформ столкнулась с мощным сопротивлением консервативной части партийной номенклатуры, увидевшей в перспективах их продолжения угрозу потери власти над экономикой. В результате уже в конце 1960-х годов реформы начали сворачиваться.

В Венгрии, хотя реформы и оказались результативными, они все же не позволили руководству страны создать современную конкурентоспособную экономику. Развитие народного хозяйства, выполнение завышенных социальных обязательств требовали привлечения дополнительных средств извне. В итоге быстрыми темпами стал расти внешний долг.

В Югославии, являвшейся федеративным государством, образованным по национальному принципу, развитие рыночных отношений привело к усилению различий между более развитыми и отсталыми республиками, что дало мощный импульс росту национализма. К тому же федеральное правительство попыталось сдерживать дальнейшее развитие рыночных отношений.

В условиях стагнации «реального социализма» западный капитализм, задававший стандарты потребления, постепенно становится привлекательной общественной моделью в глазах значительных слоев населения, прежде всего, населения крупных городов, и части правящей номенклатуры. У «частного» человека, сформировавшегося за прошедшие десятилетия, не имеющего пока политического голоса, неспособность «реального социализма» удовлетворять растущие потребительские запросы начинает вызывать раздражение. Эти настроения усиливаются по мере нарастания кризисных явлений в экономике стран «реального социализма». Особенно болезненно воспринимаются растущий товарный дефицит, рост цен на потребительские товары и услуги.

Ответом на неспособность существующей общественной системы удовлетворить потребительский спрос становится широкое распространение коррупции на все уровни управления и повседневную жизнь граждан. Возникает и теневой рынок административных услуг, в который втягиваются все новые и новые слои номенклатуры. Правда, этот рынок пока по большей части сохраняет «бартерную», немонетарную основу. Таким образом, наступает постепенная эрозия существующей системы.

Переломным моментом, после которого начинается процесс постепенного разрушения системы «реального социализма» во всемирном масштабе, стали антикоммунистические выступления в Польше в 1980-1981 гг. В этой стране утверждение коммунистического строя происходило при сильной поддержке извне, со стороны Советского Союза. При этом оно сталкивалось с жестким сопротивлением со стороны различных социальных сил и политических групп.

В итоге коммунистам в Польше так и не удалось построить однородное и полностью контролируемое общество. Им пришлось мириться с существованием частного сектора в сельском хозяйстве, мелкой промышленности и розничной торговле, независимых общественных групп, которые и стали организаторами мощных социальных протестов населения против неспособности правящего режима решать сложные социально-экономические проблемы страны.

В отличие даже от «Пражской весны 1968 года», проходившей под лозунгами «социализма с человеческим лицом», участники протестов в Польше открыто выступали за возвращение капиталистических порядков. Это означало, что в глазах миллионов людей в Восточной Европе, и отчасти даже в Советском Союзе, коммунистический строй стал утрачивать легитимность, продемонстрировав свою несостоятельность в плане удовлетворения материальных потребностей населения.

В Китае условия для отхода от жесткого варианта «реального социализма» возникли первоначально после очевидного провала «культурной революции», приведшей к деградации национальной экономики, и особенно – после смерти Мао Цзэдуна. Экономические реформы начались в КНР в конце 1970-х годов по инициативе вышедшего из рядов репрессированной во время «культурной революции» части старого партийного руководства нового лидера страны Дэн Сяопина. Они в первую очередь затронули аграрный сектор, где с введением «семейного подряда» началось возрождение рыночных отношений. В 1980-е годы частное предпринимательство уже успешно развивалось в торговле и мелком производстве. Одновременно власть отказалась от практики проведения массовых репрессий. При этом политическая система осталась без изменений.

В 1986 г. экономические реформы, во многом напоминающие китайские, начал Вьетнам.

В середине 1980-х годов под влиянием ухудшившегося социально-экономического положения страны новое руководство Советского Союза во главе с Михаилом Горбачевым решило начать экономические реформы, направленные на расширение хозяйственной

самостоятельности предприятий и повышение материальной заинтересованности работников в результатах труда.

Поначалу, как и во времена так называемых косыгинских реформ 1960-х годов, ставилась цель, не меняя основ существующей системы, придать ей динамику за счет «вживления» элементов квази-рыночной экономики. Однако за двадцать лет обстановка в мире радикально изменилась. «Реальный социализм» не только проиграл экономическое соревнование мировому капитализму, но и утратил привлекательность в глазах миллионов людей по всему миру, в том числе и в центре мировой коммунистической системы – в самом СССР. В решающей степени в силу этих причин экономические реформы середины 1980-х годов оказались безуспешными.

В условиях продолжавшегося ухудшаться социально-экономического положения страны, нараставшего товарного дефицита советское руководство пошло на беспрецедентный в истории страны шаг, объявив в 1988 г. о начале политических реформ. Была официально отменена монополия коммунистической партии на власть, разрешена многопартийность, законодательно закреплена свобода СМИ, проведены выборы на альтернативной основе в органы власти разных уровней. Частные интересы, которые стали формироваться как фактор социальной жизни, еще начиная с хрущевских реформ, впервые за годы власти коммунистов получили возможность политического представительства.

В 1990 г. в стране быстрыми темпами стала складываться политическая оппозиция власти Коммунистической партии. Оппозиция лишь в самом начале использовала в качестве идеологии лозунги «социализма с человеческим лицом», однако вскоре консолидировалась на платформе либеральной демократии антикоммунистического толка. Наиболее активные социальные группы, которые поначалу поддерживали реформаторское руководство Коммунистической партии, стали активно переходить на сторону оппозиции, которую постепенно начала поддерживать и часть правящей номенклатуры. В отличие от предшествующего периода, продвинутые группы номенклатуры пришли к выводу, что переход к капитализму в условиях слабости гражданского общества в тогдашнем СССР позволит им не только превратиться в крупнейших собственников, но, и возможно, сохранить в своих руках власть, правда, уже не через коммунистическую партию.

Начавшиеся преобразования в Советском Союзе придали мощный импульс быстрым и радикальным изменениям в странах Восточной Европы. Там правящие коммунистические партии (за исключением Румынии, Чехословакии и ГДР) поначалу также начались ограниченные экономические и политические реформы. Но это привело не к укреплению существующей системы, а к росту мощного антикоммунистического движения. Оно опиралось на уже сложившийся в обществе консенсус, отвергавший идеологию и практику коммунизма, который сформировался на основе переосмысления идейного наследия «Пражской весны 1968 года» и польского профсоюзного движения «Солидарность» периода 1980-1981 годов.

Советское руководство, под бременем нараставших внутренних проблем, отказало в помощи своим младшим союзникам в Восточной Европе. В итоге в 1989 г. под влиянием народных выступлений лишенный массовой поддержки изнутри и помощи извне коммунистический строй в странах Восточной Европы рухнул, включая Албанию, не успевшую пройти даже через период десталинизации, характерный для СССР и стран Восточной Европы во второй половине 1950-х - первой половине 1960-х годов.

В большинстве восточноевропейских стран, за исключением бывшей ГДР, воссоединившейся с Западной Германией в рамках единого Германского государства, правящая номенклатура, потеряв власть, сумела фактически обменять ее на приватизированную собственность ключевых активов национальных экономик. Этот обмен

во многих странах, включая Чехословакию, где был введен режим «люстраций» против функционеров свергнутого режима и офицеров политической полиции, стал условием мирного перехода власти в руки антикоммунистической оппозиции.

В дальнейшем, если отдельные группы номенклатуры, консолидировавшиеся в рамках новых «социалистических» партий, и возвращались к власти в результате свободных демократических выборов, то они вынуждены были играть уже по другим правилам и не могли ни в какой степени надеяться на восстановление своей монополии на власть.

В течение какого-то времени эти круги все же рассчитывали на сохранение доминирования в экономике путем консервации элементов полу-рыночных институтов в виде коммерциализированной и выведенной из-под общественного контроля государственной собственности. Однако под давлением массовых настроений правительства стран Восточной Европы, взяв курс на интеграцию в евро-атлантические структуры, вынуждены были осуществить экономические реформы по европейским стандартам, устранив монополизм и административно-правовые препятствия, мешавшие развитию конкуренции, мелкого и среднего бизнеса. Надежды бывшей коммунистической номенклатуры на сохранение гегемонии в экономике, но уже в новых рыночных условиях, так и не воплотились на практике.

В Советском Союзе распад коммунистической системы осуществлялся по более сложным алгоритмам. В отличие от стран Восточной Европы антикоммунистическое движение здесь не было столь сильным и массовым, оно не опиралось на мощные культурные и идеологические традиции. Крах коммунистической системы в бывшем СССР в 1991 г. произошел не столько под влиянием оппозиционных выступлений (хотя они имели место), сколько под воздействием иных причин. Среди них: усталость значительных слоев номенклатуры от коммунистического режима, желание побыстрее приступить к приватизации обширной государственной собственности; острые межэтнические проблемы, которых не было в большинстве стран Восточной Европы (за исключением Югославии); прямолинейность действий консервативного крыла правящих кругов, устроивших нелепую попытку государственного переворота в августе 1991 г.

Поэтому распад Коммунистической партии и провозглашение курса на демократизацию в большинстве постсоветских стран не означали окончательного поражения номенклатуры. В ряде государств (Украина, Белоруссия, почти все страны Центральной Азии) номенклатура осталась у власти. В других странах (Россия, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Таджикистан) ее на какое-то время потеснили из институтов власти. Однако, по мере нарастания трудностей, ослабления позиций демократических реформаторов, заметно возросла активность представителей прежних правящих классов.

В 1992-1993 гг. номенклатура вернула себе руководящие позиции в Грузии, Азербайджане и Таджикистане, в 1994 г. – в Молдове. Уже с конца 1992 г. в России начался процесс массового возвращения прежней коммунистической номенклатуры во властные институты. Со временем она снова заняла руководящие позиции во властных институтах, хотя в процессе сложных политических перемен сменились не только поколения номенклатуры, но и иерархия ее функциональных групп. Так, на смену представителям партийной и хозяйственной номенклатуры, которые доминировали в российских властных структурах, начиная с середины 1990-х годов, в первое десятилетие XXI века пришли выходцы из советских спецслужб.

В дальнейшем при решающей роли номенклатуры повсеместно в странах, возникших на территории бывшего СССР², возник новый общественный строй – государственный капитализм постсоветского образца. В этой новой реальности государство и государственная бюрократия сохранили ключевые позиции в экономике. Они жестко ограничивали конкуренцию, а бизнес был поставлен под плотный контроль государственных структур. В результате финансовые, экономические, информационные ресурсы оказались сосредоточенными в руках правительства и зависящих от него институтов, что привело к резкому сокращению пространства для независимой от государства общественной и политической деятельности.

Государственный капитализм стал идеальной формой реализации интересов «обуржуазившейся» номенклатуры. Она получила возможность неограниченного потребления, открывшуюся перед ней в связи с переходом к рыночному хозяйству, но при этом сохранила в своих руках монополию на власть и собственность, надежно защищающую ее официальные и неофициальные привилегии, включая фактическую неподсудность, от оспаривания со стороны других социальных слоев и групп.

При этом государственный капитализм стал промежуточной общественной формой между «реальным социализмом» и капитализмом с открытой рыночной экономикой и демократией. Однако, несмотря на свою переходность, эта модель оказалась весьма устойчивой, поскольку при слабости гражданского общества в постсоветских странах «обуржуазившаяся» номенклатура явно не хотела двигаться вперед в направлении современного капитализма, основанного на конкуренции и высокой социальной мобильности. Но и назад, к восстановлению коммунизма, новые правящие классы, вкусившие блага частной собственности, двигаться уже не желали.

С аналогичными вызовами – «революцией потребителей» и стремлением продвинутых общественных слоев к большей свободе – столкнулись правящие круги и в других странах «реального социализма». Фактически они оказались перед жестким выбором.

Первый вариант состоял в том, чтобы попытаться сохранить без изменений аутентичный, сталинистский вариант коммунистической системы. По такому пути пошли только две страны – Северная Корея и Куба. Разумеется, правящие режимы в этих государствах, сделавшие выбор в пользу сохранения status quo, тем не менее, оказались вынужденными, вносить изменения в политику в порядке реакции на глубокие перемены в мире.

Во-первых, потребовались дополнительные меры для укрепления закрытости этих стран, чтобы не допустить проникновения в них никаких реформаторских идей, ни с Запада, ни с Востока.

Во-вторых, поскольку коммунистическая идеология в глобальном масштабе потерпела поражение и уже не могла претендовать на мессианскую роль, пришлось существенно откорректировать ее в сторону идей национальной обособленности, «особого пути» развития, охранительства.

В Северной Корее после смерти Ким Ир Сена и перехода власти к его сыну Ким Чен Иру это сопровождалось подвижкой власти – от партийного аппарата к военным, которые и выступили в роли хранителей и защитников «национальных особенностей».

Второй вариант заключался в том, чтобы также попытаться сохранить безраздельную власть коммунистической партии и монополию ее идеологии, но при этом одновременно начать постепенные рыночные реформы, понимая, что их конечной целью должна стать

---

² За исключением государств Балтии, ставших частью иного политико-географического региона мира – Большой Европы.

полная реставрация капиталистической экономики, а не частичные улучшения «реального социализма», как стремились осуществить в СССР и Восточной Европе.

В Китае переломным в этом плане стал период 1989 – 1992 годов (от жесткого подавления студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь, участники которых требовали начать политические реформы в стране по либерально-демократическим образцам, до знаменитой поездки Дэн Сяопина на юг страны).

В Китае и Вьетнаме путь медленной трансформации «реального социализма» в капитализм под руководством коммунистических партий удалось успешно осуществить по нескольким причинам.

Во-первых, в отличие от стран Восточной Европы, силы, выступавшие за демократизацию политических режимов на либеральный лад, были малочисленны и слабы.

Во-вторых, особенности социально-экономической структуры Китая и Вьетнама (доминирование аграрного сектора, наличие многомиллионного класса крестьян) открывали перед ними путь осуществления индустриализации и авторитарной модернизации, во многом напоминающий тот, который уже прошли некоторые экономики региона (Южная Корея, Тайвань, Таиланд).

В-третьих, начиная рыночные реформы, коммунистические партии Китая и Вьетнама сделали их постепенными, растянутыми по времени, чтобы не нарушить общественной стабильности и сделать процесс демонтажа «реального социализма» в социальной сфере плавным и наименее болезненным для населения.

С помощью этих реформ правящим партиям Китая и Вьетнама удалось не только осуществить мощную программу развития своих стран, но и успешно удовлетворять растущий потребительский спрос населения. Массовая поддержка власти этих партий в ходе рыночных реформ, таким образом, только укрепилась. «Коммунистический капитализм» или капитализм при сохранении монопольной власти коммунистических партий и партийно-государственной номенклатуры стал характерной чертой китайско-вьетнамской модели выхода из «реального социализма».

Монголия отчасти повторила путь государств Восточной Европы. Правящая номенклатура разделилась на две соперничающие политические партии (социал-демократического и либерального толка), установившие демократические правила игры в борьбе за власть. Электоральная демократия, смена правительств и президентов в ходе альтернативных выборов стала неотъемлемой чертой политической жизни в Монголии. Но в отличие от Восточной Европы, номенклатура в Монголии в виду слабости гражданского общества, одновременно получила под свой контроль и власть, и основные активы национальной экономики.

На Кубе коммунистическая партия не стала начинать реформы, опасаясь, что в этом случае собственность, а затем и власть перейдут под контроль мощной кубинской эмиграции, обосновавшейся на Юге США и пользующейся поддержкой американских правящих кругов. Эти опасения разделялись и значительной частью широких слоев населения, также боявшихся, что в этом случае они потеряют некоторые социальные гарантии «реального социализма», но при этом не получают ничего от рыночной экономики.

Неприязнь к эмиграции и традиционная ненависть к «американскому империализму» помогли кубинскому коммунистическому режиму выжить в трудные 1990-е годы в условиях ограниченности ресурсов и прекращения помощи со стороны СССР и стран Восточной Европы. Лишь в самые последние годы новое руководство Кубы во главе с Раулем Кастро начало постепенно открывать возможности для мелкого частного предпринимательства. Состоявшийся в апреле 2011 г. VI съезд Компартии Кубы провозгласил курс на осуществление рыночных реформ, реализация которого, по мнению многих наблюдателей,

может подтолкнуть это латиноамериканское государство к постепенному отказу от коммунистической экономической системы. Но приведет ли это к потере компартией власти или развитие страны пойдет по китайскому пути «коммунистического капитализма», пока не ясно.

В отличие от всех остальных вариантов «выхода» из «реального социализма» возможности правящего режима Северной Кореи резко ограничены, минимальны, если они вообще существуют. В КНДР не было даже поверхностной десталинизации. Впрочем, это не главное препятствие для реформ. Албания, как уже говорилось выше, также не осуществила десталинизацию, но это не помешало ей в конце 1980-х годов начать стремительный выход из «реального социализма», поскольку международный фактор – антикоммунистические революции в соседних странах Восточной Европы создавали и давление в этом направлении, благоприятную обстановку для такого выхода.

Для Северной Кореи международный фактор выглядит по-иному. Реформы могут способствовать ее поглощению Южной Кореей, страной с развитой социально-экономической системой. При этом у нынешней элиты практически нет шансов обменять власть на собственность, как это было в странах Восточной Европы.

На это в частности указывает и пример бывшей ГДР. При поглощении этой страны «реального социализма» Западной Германией, бывшая восточногерманская коммунистическая элита не получила ничего – ни власти, ни собственности. Более того, многие бывшие лидеры ГДР по приговору суда отправились за решетку за преступления против собственных граждан, совершенные в годы пребывания у власти.

Гражданского общества, частного интереса как фактора социальной жизни в КНДР тоже не существует. Поэтому рассчитывать на движение снизу в пользу демократических преобразований, хотя бы в тех масштабах, что были в КНР в конце 1980-х годов, не возможно. Правящая номенклатура не может также начать экономические реформы по китайскому или вьетнамскому образцу.

В Северной Корее существует экономика советского типа, ядром которой является военно-промышленный комплекс. Аграрный сектор полностью обескровлен и не может сыграть роль первоначального локомотива рыночных реформ. Попытки внедрения отдельных элементов рынка (специальные экономические зоны по опыту КНР, официальное разрешение приобретать иностранную валюту) не привели к сколько-нибудь заметным сдвигам в направлении реформирования экономики.

Если в Китае специальные экономические зоны служили инструментом модернизации, втягивания в процессы реформирования новых слоев населения, усвоения передового опыта хозяйствования, который потом распространялся по всей стране, то в Северной Корее эти анклавов служат одной цели – привлечения дополнительных ресурсов для поддержки правящих классов, самоизолировавшихся от остального мира.

Тем не менее, даже эти ограниченные послабления начали ускорять эрозию системы. В государственном аппарате широкое распространение получила коррупция, в том числе в военном и правоохранительных ведомствах. Началась монетизация административных связей, в коррупционные отношения стала втягиваться и часть населения.

Это состояние, отчасти напоминающее положение в бывших странах «реального социализма» в 1980-е годы, когда правящие коммунистические режимы пытались начать контролируемые сверху рыночные реформы, вряд ли станет отправным пунктом в процессе демонтажа «реального социализма». Для этого нет влиятельных субъектов политики, которые были бы заинтересованы в таком развитии.

Их нет ни на уровне массовых слоев, ни элит. У элит, к тому же, существуют реальные опасения потерять все, если в стране победит капитализм. В то же время

полностью отказываться от элементов рынка в условиях, когда государство не может обеспечить население продовольствием и предметами первой необходимости даже на минимальном уровне, для правящего режима было бы рискованно. К тому же партийный и государственный аппарат, все глубже втягивающийся в коррупционные связи, объективно заинтересован в сохранении такой системы, когда он контролирует все, но при этом получает еще возможность извлекать нелегальные доходы через монетизацию своих административных привилегий.

Поэтому наилучшим вариантом для правящей верхушки КНДР является консервация нынешнего состояния страны. К классическому сталинизму при скудости ресурсов коммунистический режим возвращаться уже не хочет, а сделать шаги в направлении капиталистических реформ – не решается, ибо вполне обоснованно опасается потерять в результате такого выбора все.

Выводы для Северной Кореи

Кризис коммунистической системы начинается, когда она достигает зрелости: формируется несменяемый правящий класс, структуры и институты приобретают устойчивый, но и застывший характер. Отправной точкой начала кризиса является признание на официальном уровне частных интересов в качестве реального фактора социальной жизни. Важнейшими условиями, открывающими путь к эрозии «реального социализма», являются отказ правящих режимов от массовых репрессий и от установок на поддержание постоянной мобилизационной готовности в стране. В такой обстановке частные интересы начинают быстро укрепляться, давая импульс к развитию структур гражданского общества, а в последствии и требовать для себя политического представительства.

Коммунистическая система проходит три важнейших этапа кризиса на пути к распаду.

На первом этапе – десталинизации – происходит отказ от массового террора и признается значимость частных интересов, их автономность от государства.

На втором этапе (вторая половина 1960-х годов) предпринимаются попытки экономических реформ, призванные путем «прививки» элементов рынка укрепить стагнирующую социалистическую экономику.

И, наконец, третий этап (вторая половина 1980-х годов) – это время демонтажа системы «реального социализма».

В практике разных стран эти процессы разворачивались по-разному. Некоторые государства начали демонтаж системы «реального социализма», не пройдя ни десталинизации, ни периода «дозированных» экономических реформ (Албания). Другие – попытались осуществить умеренные хозяйственные реформы одновременно с политическими (Чехословакия). Третьи – через десталинизацию перешли к постепенному демонтажу основ коммунистической системы и формированию основ рыночной экономики при сохранении за номенклатурой контроля над политическими институтами (КНР). Эти различия, тем не менее, не отменяют общих закономерностей.

Существует несколько вариантов выхода из коммунистического общественного строя.

Первый вариант можно назвать восточноевропейским. При его осуществлении полностью демонтируется политическая и социально-экономическая система «реального социализма». Правящий слой теряет власть, но в обмен на отказ от сопротивления получает возможность завладеть значительной частью приватизируемой государственной собственности.

Второй вариант, «китайско-вьетнамский», предполагает глубокую трансформацию социально-экономической основы «реального социализма» в направлении капиталистической экономики, но при сохранении однопартийной системы и монополии квази-коммунистической идеологии. Главным условием успешности этого варианта является вовлечение массового слоя крестьянства в процессы модернизации, повышение жизненного уровня основной массы населения в ходе рыночных реформ.

Третий вариант, «постсоветский», заключается в том, что в процессе преобразования ликвидируется как политическая, так и социально-экономическая системы «реального социализма». Однако в дальнейшем происходит реставрация того типа властных и экономических отношений, который был во многом присущ советскому строю. Возвращается господство номенклатуры (бюрократии). Возникает государственный капитализм, при котором конкуренция резко ограничена, бизнес зависим от власти, а вертикальная мобильность в обществе существенно сужается. Этот строй можно еще охарактеризовать как «транзит в транзите».

Другие варианты выхода из «реального социализма» можно отнести к промежуточным вариантам. Так, Монголия частично воспроизвела опыт восточно-европейских стран, а частично – постсоветских. Куба, которая долгое время была образцом не подверженного переменам классического сталинизма, ныне начинает экономические реформы. Однако, пока рано судить, сумеет ли Коммунистическая партия Кубы удержать трансформационный процесс под контролем.

Северная Корея в этом ряду остается последней страной традиционного «реального социализма», но уже затронутого процессами монетизации общественных отношений. Выходы из «реального социализма» в этой стране пока не просматриваются. Во всяком случае, можно предположить, что они вряд ли будут типологически напоминать уже известные истории модели.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСТОЕВ РЕЖИМА

Трудности проведения операции «преемник»

В конце 2010 г. проявления в Северной Корее внутривнутриполитического противостояния выплеснулись наружу. Речь идет не о противодействии тогдашнему лидеру КНДР Ким Чен Иру, а о попытках различных военных и партийных групп, руководителей спецслужб укрепить свои позиции «под» Ким Чен Иром, на случай его ухода из жизни.

Нарастающая внутривнутриполитическая разбалансированность проявилась на сентябрьской (2010 г.) Конференции ТПК. Основные итоги партконференции состояли в следующем.

Первое. Партконференция и последующие политические акции (парад по случаю 65-летия ТПК 10 октября 2010 г., внутренняя пропаганда) подтвердили, что Ким Чен Ир был намерен до конца своих дней оставаться единственным хозяином страны. Сама идея о том, что рядом с ним появится «наследник», вокруг которого может концентрироваться власть, была для Ким Чен Ира психологически неприемлемой.

Второе. Сам факт проведения партконференции свидетельствовал о стремлении части северокорейского руководства усилить роль партийно-политического контроля над страной.

Последний съезд ТПК прошел в 1980 г, а заседания ЦК КПК прекратились в 1993 г. Ким Чен Иру, опиравшемуся на Государственный Комитет Обороны (ГКО), для реализации своей власти не столь был нужен партийный аппарат, сколь военный.

Третье. Ким Чен Ир не дал однозначного сигнала о том, что его, по слухам, «самый любимый сын» Ким Чен Ын станет преемником. Ким Чен Ын получил звание генерала армии и был назначен на пост заместителя председателя Военного Комитета ЦК ТПК. Однако на параде 10 октября он стоял не рядом с отцом, а на расстоянии. Между ними было место для Ли Ен Хо – на тот момент Первого заместителя Председателя ГКО, начальника Генштаба Корейской народной армии (КНА).

Четвертое. Партконференция высветила главных претендентов на престол внутри семейного клана Кимов. Это не означает, что не было других сил, способных после «часа X» претендовать на власть. Напротив, на тот момент задавался видимый извне круг наиболее вероятных претендентов.

Ли Ен Хо (68 лет), 1-й зам. Председателя ГКО, единственный (кроме самого Ким Чен Ира) член Постоянного Комитета ПБ ЦК ТПК (в составе ПК ПБ – 5 человек) моложе 80-ти лет. Мать Ли Ен Хо, после смерти матери Ким Чен Ира в 1949 г., фактически взяла его в свою семью. До того момента, когда Ким Ир Сен женился во второй раз, Ли Ен Хо и Ким Чен Ир росли «как братья».

Ким Ген Хи (62 года) – сестра Ким Чен Ира, член ПБ ЦК ТПК.

Чан Сон Тхэк (64 года) – муж Ким Ген Хи, зам. Председателя ГКО, человек, остающийся «на хозяйстве», когда Ким Чен Ир проводит время в своей резиденции под Хамхыном (около 600 км от Пхеньяна).

Ким Чен Ын (27 лет), сын Ким Чен Ира от его последней, по слухам, «самой любимой» жены, умершей в 2004 г.

Были еще две-три влиятельные фигуры из семейного клана, не занимавшие крупных официальных партийных постов.

Ким Чен Нам (39 лет), старший сын Ким Чен Ира. Ведет бизнес в Китае и Макао. Опирается на ту часть северокорейских спецслужб и аппаратчиков, которые имеют выход за рубеж и контролируют северокорейские финансы вне страны. Обладает опытом руководящей работы в аппарате ЦК и структурах безопасности.

По всей вероятности, поддерживает контакты с южнокорейскими спецслужбами. Предположительно, тайно посещал Сеул.

В октябре 2010 г. Ким Чен Нам стал первым северокорейцем (не перебежчиком), который без санкции Ким Чен Ира дал интервью иностранным (японским) СМИ, негативно охарактеризовав северокорейский режим. Его помощник, в другом интервью, ссылаясь на Ким Чен Нама, предрек скорый, через 2 года (т.е. в 2012-2013 гг.), крах северокорейского режима.

Ким Пхен Ир (около 60 лет) – младший брат Ким Чен Ира, посол в Болгарии на протяжении последних более чем 30 лет. В каком-то смысле – политический изгнанник. В начале 2010 г. посетил Пхеньян для зондажа обстановки. После этого, северокорейские военные спецслужбы через «перебежчика» в чине полковника запустили на Юг информацию о том, что Ким Пхен Ир пользуется большой поддержкой военных, поскольку сам имеет военное образование.

Ким Чхоль Сон (около 30 лет) – дочь Ким Чен Ира, один из руководителей молодежного движения в Северной Корее.

Пятое. На партконференции Ким Чен Ир создал систему политических балансов под своим контролем.

Во-первых, никто из потенциальных лидеров не мог претендовать на пост наследника, вокруг которого могли бы стягиваться политические силы, создавая угрозу самому Ким Чен Иру.

Во-вторых, в результате перестановок каждый из претендентов стал начальником и одновременно подчиненным другому претенденту в той или иной структуре.

Шестое. На первый взгляд, значимых изменений в высшем эшелоне партийной власти не произошло: большинство членов ПБ ЦК, младшему из которых был 71 год, а основной части – под 80 и за 80 лет, сохранили свои посты.

Однако интересные перестановки произошли на уровне *кандидатов* в члены ПБ ЦК: сюда пришло поколение 60-летних. Включая руководителей спецслужб, секретарей ЦК и самого молодого, 53-летнего секретаря Пхеньянского горкома ТПК Мун Ген Дока. Последний, по слухам, близок к Чан Сон Тхэку.

В северокорейской политической жизни, носящей семейно-клановый характер и бывшей всецело подчиненной настроениям и воле Ким Чен Ира, в любой момент могли произойти серьезные изменения. Однако по мере того, как здоровье вождя ухудшалось, важное значение стала принимать политическая борьба – *не с Ким Чен Иром* – а «под Ким Чен Иром».

На конец 2010 г. ситуация выглядела так, что два лидера – военный (Ли Ен Хо) и партийный (Чан Сон Тхэк) в наибольшей степени влияли на ситуацию в стране. Первый контролировал армию и ГКО и имел весомые позиции в партийном аппарате. У второго – партийный аппарат и место в ГКО.

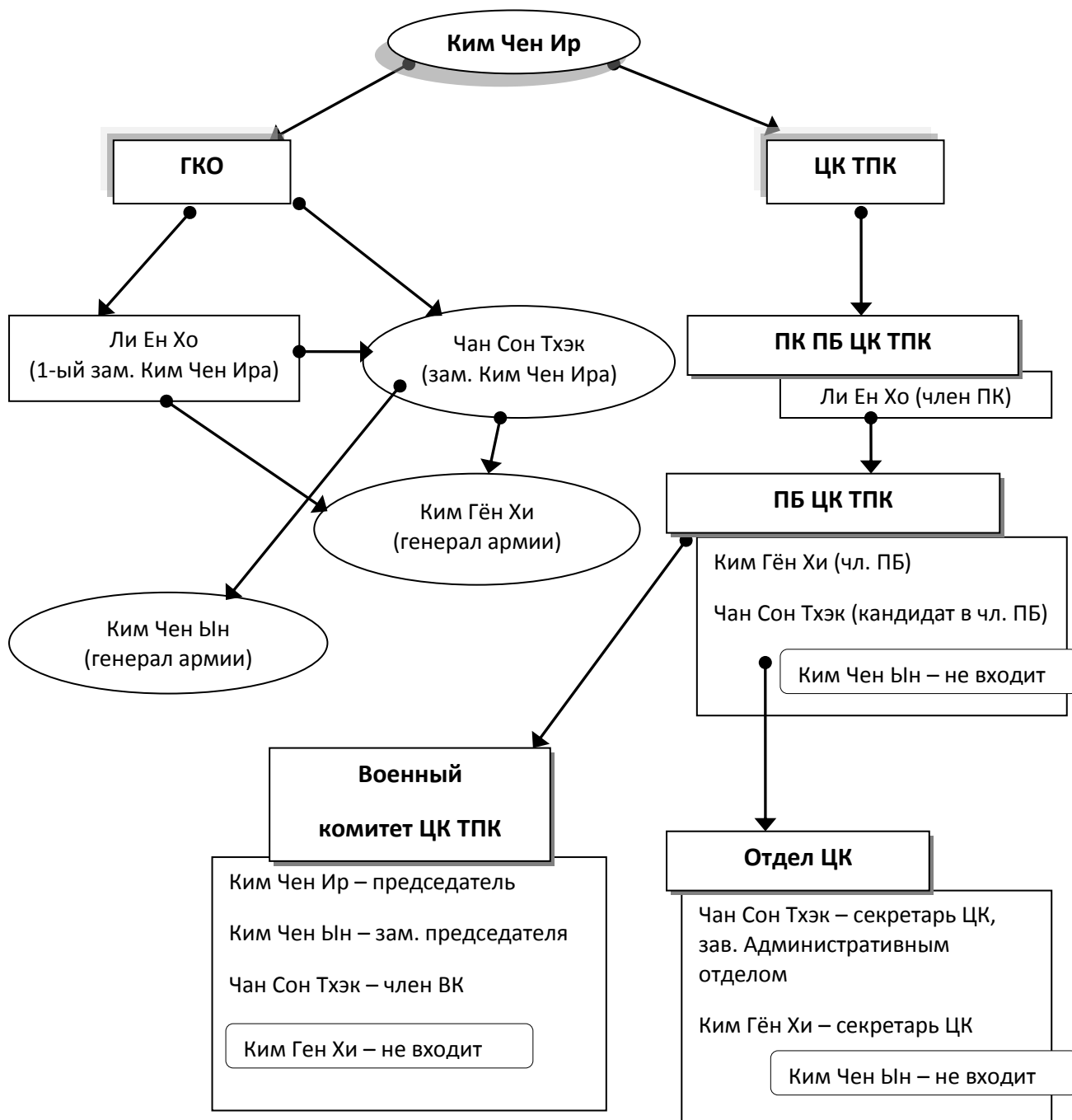
Седьмое. Стремление, условно говоря, партийно-ориентированной «группы Чан Сон Тхэка» укрепить свои властные позиции проявилось в принятых на партконференции поправках в Устав ТПК. Главные из них касались «установления партийного руководства над государственными органами управления и молодежными организациями» и «усиления роли парторганизаций в армии».

В переводе с «северокорейского партийного языка» это означало:

- ✓ во-первых, признание того, что роль партии в стране слаба, что отражало реальное положение дел, сложившееся при Ким Чен Ире, который переложил основную нагрузку по управлению государством на ГКО,

✓ во-вторых, что такое положение дел надо было исправить.

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В КОНЦЕ «ЭПОХИ КИМ ЧЕН ИРА»

Восьмое. Были созданы предпосылки для превращения Ким Чен Ына в преемники вождя. Вместе с тем окончательно этот вопрос тогда так и не был решен. Ким Чен Ыну еще надо было получить должную поддержку в партийном аппарате и армии, а также приобрести опыт аппаратной работы.

В условиях жесткой диктатуры вождя основные потенциальные претенденты на власть вынуждены были, естественным образом, всячески скрывать свои намерения. С этой точки зрения, всех устраивало, что именно Ким Чен Ын, «любимый сын вождя», позиционировался как будущий наследник. И тем самым служил «прикрытием» властных амбиций других членов клана Кимов.

Экономика

В стране усиливаются негативные экономические тенденции, свидетельствующие о состоянии углубляющегося системного кризиса. Структура экономики мозаична, связи ее отдельных звеньев слабы между собой. Тяжелая промышленность, в которую на протяжении нескольких десятилетий вкладывалась подавляющая часть инвестиций, практически, за редким исключением остановлена. В основном действуют иностранные, прежде всего, китайские предприятия.

Произошел безвозвратный обвал распределительной системы. На ее место пришли полулегальная торговля, черный рынок, тотальная коррупция, деятельность криминальных групп.

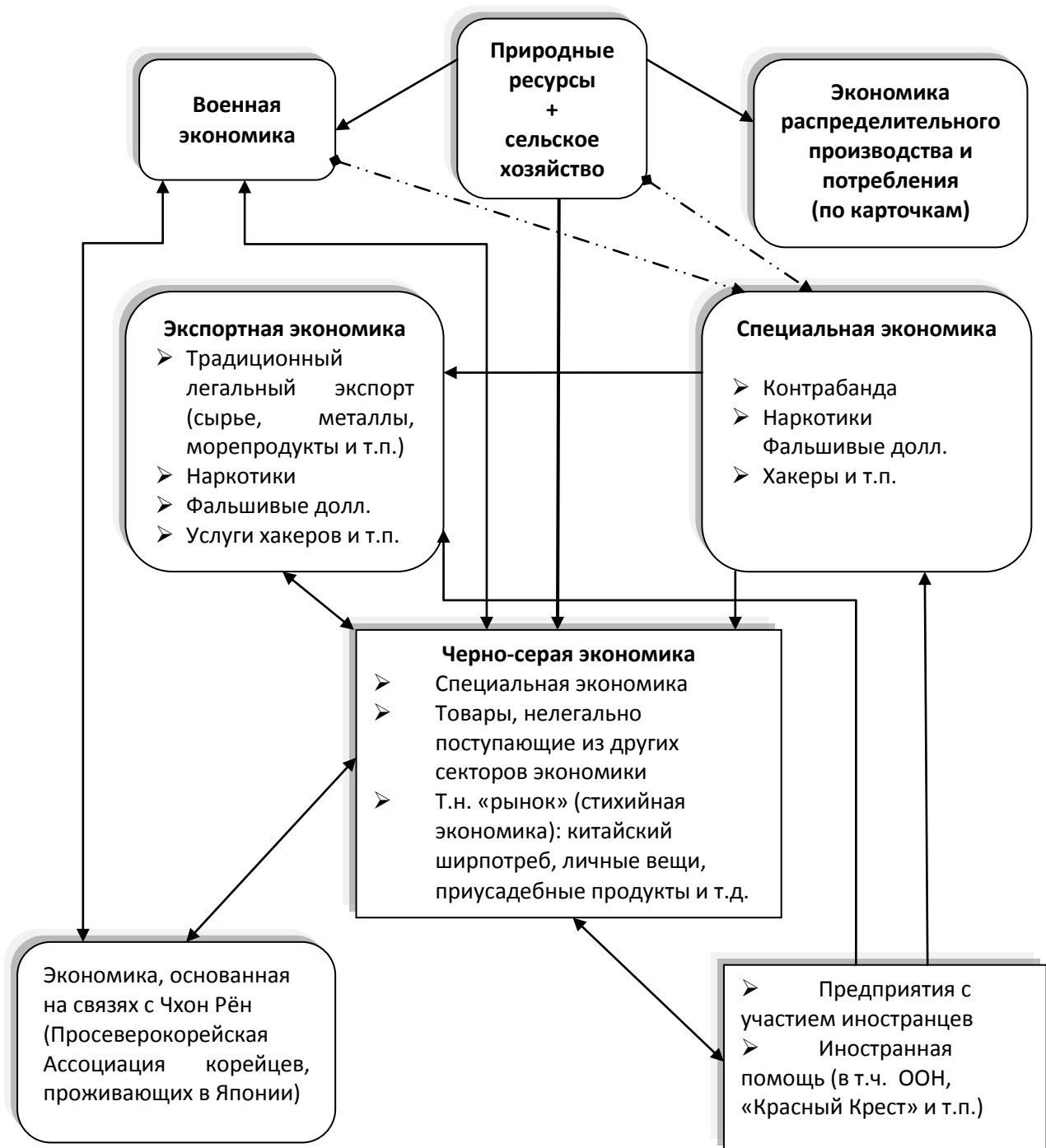
Схема торговли главным продовольственным продуктом – рисом – выглядит следующим образом. Предложение риса формируют военные структуры, которым рис выделяется в первую очередь, а также государственные органы, создающие запасы риса (например, на празднование в апреле 2012 г. 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена) и которые по нелегальным каналам выбрасывают его на «черный рынок».

Спрос на «черном рынке» образуется за счет, во-первых, тех представителей спецслужб и партийно-государственных органов, которые имеют выход за рубеж и обслуживают операции по приему внешней помощи и торговле золотом и серебром на внешнем рынке, контрабандными товарами и т.п. Во-вторых, со стороны спекулянтов, работающих главным образом с приграничными китайскими районами, коррумпированных чиновников и криминальных структур, связанных с местными властями.

Северокорейская экономика сегментирована. Взаимоотношения между ее отдельными частями носят не системный, случайный характер.

МАКРОСТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

ДИНАМИКА КОМПОНЕНТОВ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

Традиционная экономика

- Дegradiрует после прекращения на рубеже 1990-х годов энергетической «помощи» России и сокращения помощи Китая.

Военная экономика

- Дegradiрует вследствие прекращения сотрудничества с СССР.
- Её экспортная составляющая пошла вверх в 1990-е - начале 2000-х годов (рост экспорта обычных вооружений, услуги в области партизанской и анти-партизанской борьбы и т.п.).
- Дegrадация к началу 2010-х годов вследствие введенных против Северной Кореи международных санкций.

Чхонрёновская экономика

- Дegradiрует вследствие введения санкций со стороны Японии.

Специальная экономика

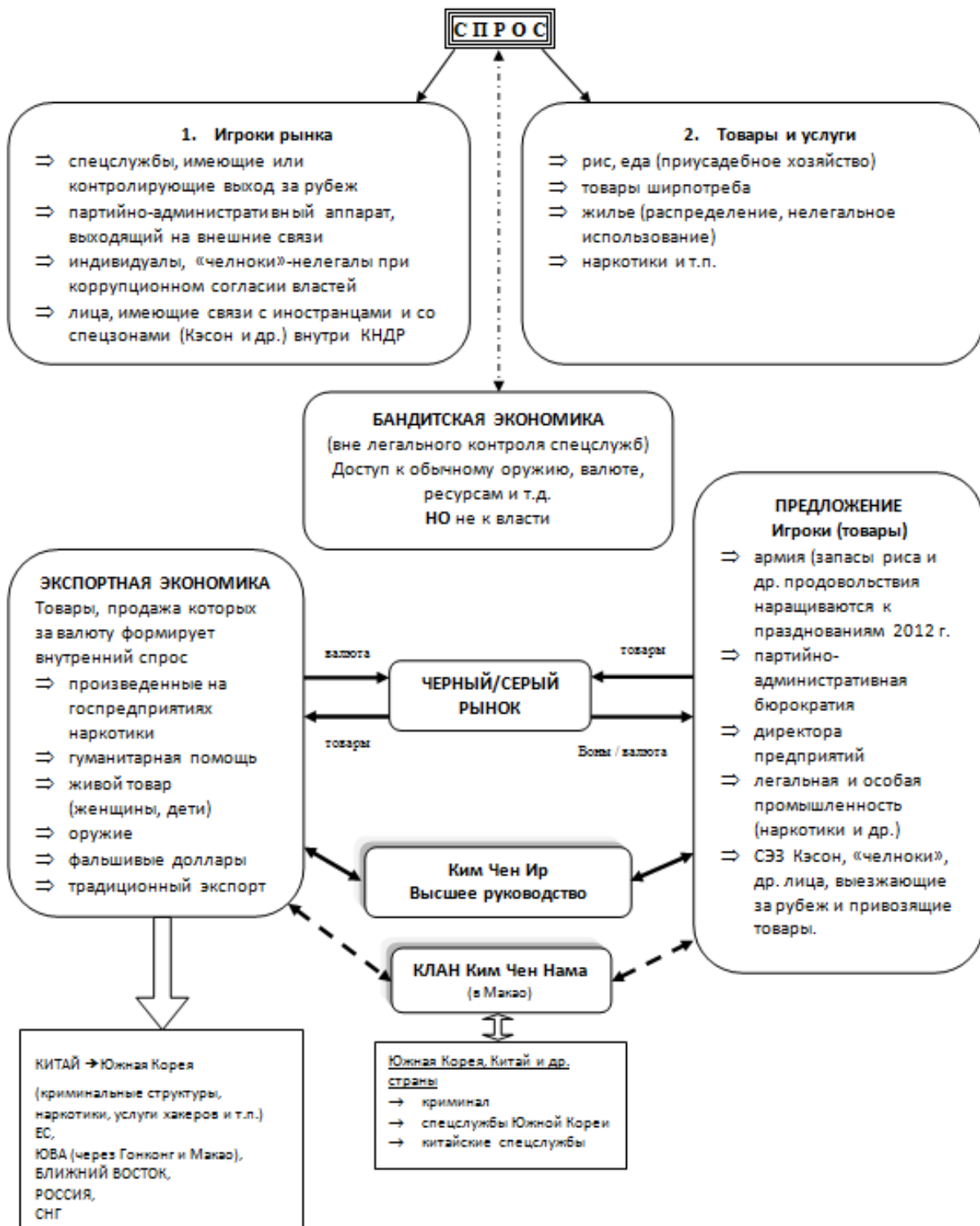
- Ускоренное развитие.

Экспортная экономика

- Положение в традиционной части постепенно ухудшается.
- Специальная экономика (кроме военно - промышленной) быстро развивается.
- Черная - серая (торговля людьми, другие нелегальные операции) ограничено развивается.

Экономика

СХЕМА БАЛАНСА СПРОСА-ПРЕДЛОЖЕНИЯ В «ЧЕРНО-СЕРОЙ ЭКОНОМИКЕ»

ВЫВОДЫ

- ➔ Черный / серый рынки поддерживает макроэкономическую стабильность. По мере уменьшения объема внешних связей страна дестабилизируется.
- ➔ Катастрофически растет социальный разрыв. Для тех, кто не имеет доступа к черно-серому рынку, потребность физиологического выживания становится главной. В условиях:
  - кризиса нормированной системы распределения
  - валютного курса черного рынка (1\$=3000 вон)
  - «хорошей» официальной заработной платы – не менее 6-8 тыс. вон
  - цены риса на «черном» рынке – 2 тыс. вонЛюди, не имеющие доступа к валюте – маргинализируются, имеющие – могут наслаждаться жизнью.
- ➔ В переходный период к нормальному рынку черно-серый рынок Северной Кореи может сыграть роль «временного стабилизатора».

Угрозы

1. Война кланов за ресурсы
2. Голодные бунты
3. Контроль бандитских групп над локальными территориями
4. Тотальный хаос

Наиболее вероятный выход из сложившейся за последние два десятилетия ситуации подразумевает закрепление в КНДР коррумпированного квази-рыночного авторитаризма как системы, противостоящей тотальному хаосу.

Внутриполитические проблемы

Как ни парадоксально, в обозримой перспективе наиболее серьезным вызовом для соседствующих с Корейским полуостровом государств будут являться не столько политика Пхеньяна в военной области, включая реализацию ракетно-ядерных амбиций, сколько неопределенность внутренней обстановки в стране как таковой, равно как и отсутствие четкого понимания вектора ее возможной эволюции.

Прежде всего, следует отметить, что ключевые параметры, характеризующие внутриполитическую и социально-экономическую ситуацию в КНДР, экспертным сообществом достаточно изучены и «просчитываются» с довольно высокой степенью достоверности, а оснований для взаимоисключающих интерпретаций этой ситуации, по-видимому, не имеется.

Тем не менее, заинтересованных наблюдателей не покидает ощущение, что все собранные на этот счет сведения действительны лишь для каждого данного короткого временного отрезка. Они не позволяют объективно судить ни о политических планах и намерениях северокорейских лидеров, тех или иных возможных флуктуациях их активности, ни о том, в какой области внутренней жизни можно ожидать появления опасных разломов или «сейсмических» процессов.

Перефразируя слова известного философа, уместно сказать, что северокорейские реалии «являются обыкновенно как восточные женщины, закутанные покрывалами, из-под которых выглядывают только глаза». При этом ценность сокрытого подчас далеко не оправдывает того любопытства, которое обыватели испытывают к искусственно вызываемому флеру таинственности.

Впрочем, подобное сравнение применительно к Северной Корее все же было бы не совсем справедливо. В нашем случае предметом рассмотрения является страна, которая, в силу географических, исторических и ряда других обстоятельств занимает особое место в стратегически важном регионе на северо-востоке Азии.

Бесспорно, КНДР обладает крайне низким международным статусом во всех областях. В том числе в силу крайне слабой интегрированности в региональные отношения. Тем не менее, нельзя не учитывать, что от дальнейшего поведения Пхеньяна визави соседей, которое не в последнюю очередь производно от меняющихся внутренних раскладов в стране, будет в немалой степени зависеть то, каким образом выстроится конфигурация политических сил в регионе и какой характер приобретут здесь отношения между ключевыми игроками, включая Россию, Республику Корея, Китай, США и Японию.

Главное в том, что постановка и решение в СВА крупных трансграничных вопросов в области внешней политики, торговли, энергетики, инфраструктурных проектов, а в перспективе – и налаживание многостороннего диалога в области безопасности, – все это заведомо имеет своим жестким «ограничителем» неурегулированность северокорейского фактора.

Иными словами, потенциально имеющаяся возможность срыва ситуации в Северной Корее в коллапс с неконтролируемым разрастанием хаотических проявлений, способна «поставить жирный крест» на задачах по конструированию в Северо-Восточной Азии нормального регионального порядка, строящегося на основе открытых, цивилизованных и взаимовыгодных отношениях между государствами, имеющими здесь весомые интересы. При этом мы даже пока не берем в расчет тот крайний сценарий, при котором эскалация конфронтации на Корейском полуострове вылилась бы в широкомасштабный военный конфликт, что, естественно, чревато непредсказуемыми последствиями.

Неожиданные и драматические события в целом ряде стран Ближнего Востока вновь со всей актуальностью поставили вопрос о пределах прочности северокорейского режима и о возможности быстрой, но радикальной смены власти в КНДР по тому или иному арабскому сценарию. Для ответа на него важно более четко представлять менталитет северокорейской элиты – прежде всего, насколько адекватно она в состоянии оценивать как положение страны в целом, так и свои собственные перспективы, а также умонастроения активной части населения – заинтересованность в коренных переменах и готовность активно участвовать в политической борьбе за их реализацию.

Следует сказать, что руководство КНДР еще со второй половины 1990-х гг., когда страна переживала глубочайший системный кризис, осознало, что ее развитие полностью зашло в тупик и выйти из него она самостоятельно не сможет. Варианты мягкого «вползания» в капитализм по образцу Китая или Вьетнама на этом этапе в принципе рассматривались, но уже тогда были категорически отвергнуты северокорейской верхушкой на том основании, что утрата контроля над экономикой в условиях рынка чревато ослаблением политической власти, что, по логике Пхеньяна, недопустимо при сохранении «враждебного окружения».

В качестве компромиссного варианта в начале нулевых годов XXI-го века власти пошли на ограниченный экономический эксперимент. Он подразумевал легализацию, до определенной степени, «теневого», спекулятивно-рыночного уклада экономики, введение хозрасчета на большинстве предприятий гражданского сектора и постепенный вывод их из-под контроля государства. Однако главной целью оставалось создание специальных экономических зон с привлечением иностранного капитала, прежде всего, средств зарубежных соотечественников (по образцу Китая) для создания там передовых производств, функционирующих по законам нормальной экономики с поставкой готовой продукции на внешние рынки для притока валюты.

Эта схема, запущенная в 2002 г., довольно быстро забуксовала, главным образом из-за бюрократических тормозов и колебаний идеологического характера в правящей верхушке. Все попытки создания «спецзон» оказались безуспешными (за исключением разве что Кэсонского технопарка близ границы с Южной Кореей), ввиду неспособности Пхеньяна реально заинтересовать потенциальных инвесторов.

Безусловно, вопрос об экономическом реформировании Северной Кореи, хотя бы и под влиянием внешнего фактора, остается принципиально важным с точки зрения стабилизации внутренней ситуации в стране, обеспечения «мягкой посадки» ее экономики и последующей интеграции в мировую систему хозяйства. Следует, однако, четко понимать, что в обозримой перспективе никаких реформистских импульсов, пусть даже консервативного толка, от нынешнего пхеньянского руководства ожидать не приходится.

На протяжении 60-ти лет существования КНДР в режиме частичной или полной внешней замкнутости происходило «вымывание» из эшелонов власти компетентных и независимо мыслящих экспертов, а крайне низкий уровень образования не позволял готовить экономистов-профессионалов. Все это в конечном итоге и породило ситуацию, при которой в стране попросту нет опытных и квалифицированных менеджеров, способных более или менее грамотно вести дела даже в рамках нынешней административно-бюрократической системы хозяйствования, не говоря уже о проведении далеко идущих преобразований.

Роль Кабинета министров, да и соответствующих подразделений партийного аппарата, сведены к функциям технического управления за производственным процессом в пределах группы промышленных инфраструктурных или сельхозпредприятий и осуществления надзора и наказания «нерадивых».

Вследствие повышенной секретности, которая окутывает все сферы жизни в Северной Корее, каждый бюрократ владеет предельно ограниченным объемом информации, не позволяющим ему соотносить результаты своей деятельности с положением даже в смежных областях.

Определенный порядок существовал при Ким Ир Сене, что в числе прочего диктовалось необходимостью поддержания развернутых внешнеэкономических связей с СССР и другими странами Восточной Европы. Теперь, можно предположить, даже на самом «верху» вряд ли кто-либо владеет достоверной и исчерпывающей картиной о реальном положении дел в экономике (исключение, очевидно, составляет военная промышленность,

которая фактически существует параллельно с гражданским сектором и слабо с ним пересекается).

В настоящее время вышеупомянутые субъективные проблемы могут иметь гораздо более значительные долгосрочные последствия, чем известные объективные беды Северной Кореи – дефицит топлива, сырья, электроэнергии. Экономика КНДР даже для круга «посвященных» лиц представляет собой настоящий «черный ящик», где при всей мелочной регламентации на уровне производственных единиц в масштабах макроэкономики царит полная неразбериха.

Направляемые в экономику ошибочные команды, составленные на базе неполной или даже неверной информации, на практике ведут лишь к дальнейшей разбалансировке механизмов народного хозяйства. Видимо, именно этими соображениями можно объяснить сокрушительный провал денежной реформы в конце 2009 – начале 2010 гг. за что жестоко поплатился ее автор – зав. экономическим отделом ЦК ТПК Пак Нам Ги. Он являлся одним из последних опытных специалистов в сфере планирования народного хозяйства и зачинщик многих прежних примечательных начинаний.

Время, когда можно было добиваться улучшений путем постепенной и аккуратной корректировки экономического курса в сторону большей открытости, поощрения рыночного сектора, рационализации экономики в целом, безвозвратно упущено. Теперь приходится иметь дело не с целостной, пусть и отсталой производственно-хозяйственной системой, а с весьма рыхлой, мозаичной и внутренне рассогласованной структурой, которую в принципе уже невозможно ни улучшить, ни реформировать.

Рассчитанный на весьма отдаленную перспективу выход, видимо, может состоять в том, чтобы в процессе подлинно глубоких преобразований на какое-то ограниченное время сохранить экономическую «практику» в увязке с нынешним «народным хозяйством».

Параллельно на «свободных площадках» следует создавать иную экономику, которая могла бы быть интегрирована в межкорейские и мирохозяйственные связи, равно как и адекватную ей систему менеджмента и управления. Оговоримся, что постановка и решение подобной задачи, которая в столь рафинированном виде не выдвигалась, пожалуй, ни в одной из бывших «социалистических» стран, потребовали бы привлечения серьезных внешних ресурсов – и финансовых, и управленческих.

Против многих ожиданий, события в арабском мире не оказали сколь-нибудь заметного воздействия на ситуацию в Северной Корее: обстановка в стране внешне остается спокойной, признаков «волнений» или открытых проявлений недовольства политикой руководства страны не отмечается. Это, конечно, можно объяснить закрытым характером и информационной изоляцией северокорейского общества, а также результатом работы отлаженной контрольно-репрессивной машины в КНДР, что позволяет в целом успешно противодействовать «разлагающему» внешнему воздействию.

Пхеньянские пропагандистские издания настойчиво предупреждают: «когда вокруг много вредных насекомых, надо вовремя ставить на окна и двери противомоскитные сетки». Однако как бы то ни было, фактом остается то, что *в отличие от стран Арабского Востока в Северной Корее нет реальной оппозиции, которую можно бы было заблаговременно «простимулировать» и попытаться привести к власти в качестве легитимного правительства, опирающегося на поддержку большинства населения.*

Дело в том, что северокорейская элита, несмотря на внутренние противоречия и подковерную борьбу по поводу распределения властных полномочий и привилегий, по отношению к внешнему миру выступает достаточно консолидировано. От начала открытой борьбы за власть ее удерживает элементарный страх, поскольку практически все представители правящей когорты имеют в своем активе немало «грехов» и «черных пятен»,

бросающих тень на их репутацию в глазах Запада, поэтому каких-либо иллюзий насчет своей «востребованности» в случае смены режима или «демократического переворота» эти люди не испытывают.

Кроме того, пхеньянские руководители прекрасно осведомлены, как в том же Египте военные и судебские сводят счеты с представителями старого режима. Им хорошо запомнилась судьба С. Милошвича и С. Хусейна. Проецируя эту ситуацию на себя и зная особенности корейского национального характера и политических традиций, (достаточно вспомнить незавидную участь бывших генералов-лидеров военных диктатур в РК) они твердо убеждены, что в случае политического поражения Севера и прихода туда южнокорейских «братьев», «никто не дожидется пощады».

Отсюда мораль: как бы представители северокорейской элиты ни относились друг к другу и к высшему руководству страны, жить при нынешнем режиме и по правилам «клана Кимов» для них предпочтительнее перспективы оказаться на скамье подсудимых в условиях новой «демократической Кореи».

В целом та политическая система, которая стихийно сформировалась и функционировала в Северной Корее при Ким Чен Ире могла быть охарактеризована как динамично меняющийся баланс сил с участием наиболее влиятельных государственных структур – армейской, партийной верхушек и многочисленных спецслужб, деятельность которых плотно координировалась ГКО, а по принципиальным вопросам – непосредственно высшим руководителем.

Северокорейский лидер, в интересах обеспечения равновесия сил в высших эшелонах, а также поддержания «здоровой» конкуренции между властными кланами, вел непростую игру, то приближая к себе отдельные персоналии и стоящие за ними мощные структуры, то отдаляя их от себя, лишая при этом привычных рычагов управления.

Так, с конца 1990-х гг. в рамках политики приоритета армии ТПК фактически отошла на задний план в системе органов власти, а многие ее полномочия были переданы военным. Однако с 2010 г. наблюдается обратный процесс: партийные аппаратчики в центре и на местах вновь набирают силу, в то время как сфера политических полномочий армейской верхушки постепенно, но зримо сужается. Одновременно появлялись слухи о серьезных чистках в руководстве спецслужб.

При этом речь, конечно же, не шла о борьбе с оппозиционерами или политическими противниками режима (таковых там не имеется) – цель состояла в том, что в стране нет, и не будет «неприкасаемых кланов», а любая руководящая структура в своих полномочиях жестко ограничена теми функциями, которые ей будут делегированы верховной властью.

Что же касается рядового северокорейского населения, то и там нет ничего похожего на поляризацию сил по линии «демократы» – «традиционалисты».

Среднестатистический гражданин КНДР, как правило, не имеет представления о том, за какие такие «перемены» или «реформы» ему следует бороться. Он, скорее всего, будет приветствовать любую твердую власть, пусть даже немного и деспотичную, которая сможет уделить ему толику внимания – улучшить материальное положение, отодвинуть угрозу голода, холода, болезней.

О низком уровне политической «пассионарности» северокорейского населения свидетельствует и такой характерный факт, что из всего объема разнообразной информации, поступающей по различным каналам из Южной Кореи, наибольшей популярностью пользуются вовсе не новостные блоки или рассказы о «зажиточной» жизни в РК, а так называемые «драмы» – южнокорейский вариант «мыльных опер».

Правда, следует заметить, что именно перед распадом Советского Союза «мыльные оперы» (прежде всего, бразильские и мексиканские) приобрели особую популярность среди «простого» населения.

В ряде исследований и экспертных докладов, появляющихся как в России, так и в других странах, довольно напористо подается мысль о неких глубинных позитивных процессах, происходящих в недрах северокорейского общества. Основной тезис – вызревает плотная прослойка экономически активных людей, связанная с «неузаконенным» рыночным сектором экономики, которая в последующем может стать опорой в деле модернизации страны, а заодно и подготовить почву для формирования политической оппозиции существующему режиму.

По этому поводу можно сказать следующее.

Существование негосударственного теневого сектора экономики, равно как и нарастание процессов имущественной дифференциации граждан, имеет место, по крайней мере, с конца 1990-х годов. Тогда в стране рухнула единая система гособеспечения населения продуктами и товарами первой необходимости.

Вместе с тем появление таких групп как мелкие торговцы, перекупщики, люмпенизированная часть населения, промышленяющая «отхожим промыслом» в Китае или хищениями с госпредприятий свидетельствует о том, что речь идет вовсе не о появлении «ростков новых экономических отношений», но, напротив, о деградации и архаизации хозяйственной жизни вследствие деиндустриализации страны. Одновременно это явление привело к возникновению нового социального феномена в КНДР – тесной коррупционной спайке «теневиков» с чиновниками различного уровня, представителями силовых структур, которые создают «теневикам» режим максимального благоприятствования.

Процветание подобного предпринимательства, а в него, по разным данным вовлечено не менее 3 млн. граждан, возможно только в специфических условиях современной северокорейской действительности, – экономики тотального дефицита и всевластия бюрократии, вследствие чего именно представители «нового бизнеса» по-северокорейски будут наиболее рьяно защищать существующие устои и противиться (пусть даже неосознанно) политической и экономической модернизации.

В этом смысле весьма показательно, что режим, жестоко карающий за инакомыслие, в вопросе об отношении к теневому сектору проявляет удивительную терпимость, хорошо понимая, что при известных мерах контроля над этими процессами, можно добиться расширения своей социальной базы.

Следует признать, что, несмотря на очевидные вызовы северокорейскому строю, непосредственной внутренней угрозы существующей власти до сих пор не возникало. Естественно, это ни в коей мере не свидетельствует о некоей неуязвимости либо абсолютной устойчивости режима, который давно уже исчерпал свой политический и экономический ресурс.

Северокорейский режим, как и всякий другой, не способный к саморазвитию и не располагающий адекватными механизмами снятия возникающих проблем и патологий, в стратегической перспективе обречен. При этом не столь уж важно, что в конечном итоге сыграет роль катализатора: некие чрезвычайные обстоятельства, усиление международного давления или разрастание процессов естественного «осыпания» системы, пока это не потребует внешнего вмешательства для купирования «пробоин» и перехвата ситуации, прежде чем она скатится в хаос.

В настоящее время абсолютный приоритет Пхеньяна на внутренней арене – обеспечение преемственности власти в спокойном ключе, позволяющем избежать разрушительных для системы последствий. Выбор Ким Чен Ына в качестве преемника был

рискованным, но вместе с тем, очевидно, хорошо просчитанным ходом. Его главные недостатки – молодость, отсутствие опыта государственного управления, собственной политической базы и устойчивого круга соратников. Эти «недостатки» могут оказаться критически опасными, учитывая, что страна, северокорейская государственность вплотную придвинулись к краю пропасти.

Однако имеются и неоспоримые преимущества. У Ким Чен Ына в отличие от подавляющего большинства корейских руководителей, пока незапятнанный имидж – он не причастен к тому, что происходило в стране до его выдвижения во власть, и соответственно не может нести за это политическую или моральную ответственность. В силу этих причин западное сообщество, скорее всего, будет готово иметь с ним дело в качестве руководителя КНДР, конечно, если он сможет проявить дальновидность, конструктивизм и гибкость в решении тех вопросов, которые вызывают обеспокоенность у большинства стран мира. По понятным причинам Ким Чен Ир и его ближайшее окружение фактически лишили себя возможности инициировать подобный диалог от своего лица и находились по сути дела в «положение вне игры».

Главная задача, которая встает перед новым лидером (если, конечно, в его руках постепенно будет сосредоточена реальная власть, а не декоративно-представительские функции) будет омоложение высшей партийно-государственной элиты и продвижение во властные структуры представителей нового поколения руководителей. По логике, это должны быть люди «без связей», но обладающие определенными административными способностями, которые своим выдвижением будут обязаны лично Ким Чен Ыну, и которые таким образом могли бы составить ему твердую опору.

Актуальность этого вопроса давно назрела. Дело в том, что Ким Чен Ир после своего прихода на высшие посты в 1994 г. в силу укоренившихся у него опасений насчет возможных «аппаратных заговоров» и «предательств» всячески противился обновлению руководящего звена в центре и на местах. При этом он стремился опираться либо на «семейный клан», либо на тех назначенцев, которые были предложены еще его отцом, и которым он, таким образом, доверял. В условиях, когда вертикальные «лифты» перестали работать, в ранее целостной бюрократической системе произошел надлом. На одном ее полюсе оказалась сравнительно небольшая группа людей, окружающих северокорейского вождя, в руках которых были сконцентрированы все рычаги управления страной, а на другом – массы функционеров с сугубо исполнительскими функциями и без каких-либо шансов реализовать свои карьерные амбиции.

Порочность подобной кадровой практики зримо обнажилась в последнее десятилетие – по мере физического одряхления и ухода из жизни ближайших соратников Ким Чен Ира и, наконец, его самого. В составе ГКО и политбюро ТПК преобладают 75-80-летние старцы, поэтому нетрудно предугадать, что, если «кадровая проблема» не будет урегулирована в ближайшие годы, хотя бы на основе паллиативных решений, в стране может возникнуть «вакуум власти». Для государства со сверхцентрализованной системой управления, при которой любые решения генерируются из Центра, подобный исход может оказаться катастрофичным.

Главной проблемой Ким Чен Ына перед формальным приходом к власти был острый временной цейтнот для выработки позиции по всем ключевым вопросам, который пока сохраняется.

Для начала диалога с Югом, равно как и с мировым сообществом в целом, он должен располагать определенным набором креативных идей, свидетельствующих о намерениях направить развитие страны в более позитивное созидательное русло. Но обеспечить себе подобную свободу рук новый руководитель сможет лишь при условии

усиления своей политической базы в результате укрепления рядов соратников, серьезной перетряски всего кадрового аппарата.

Одновременно предстоит нейтрализовать и возможное недовольство «старой гвардии», умерить властные амбиции силовых структур, представители которых опасаются любых нововведений. Залогом любого успеха должно стать завоевание авторитета у потенциально активной части населения, которое должно реально почувствовать, что правление Ким Чен Ына способно привести к положительным изменениям в его положении. С другой стороны, задачи консолидации власти, сохранения управляемости страной потребует выработки адекватных мер в целях политической и экономической стабилизации, что вызовет необходимость проведения в целом жесткого и авторитарного курса.

Данный круг задач, которые предстоит решать практически одновременно, вряд ли по плечу даже многоопытному руководителю, вследствие чего шансы Ким Чен Ына хотя бы на частичный успех представляются незначительными. На первом этапе ему предстоит доказать свою способность удержать в своих руках всю полноту государственной и партийной власти. В качестве альтернативных, но вполне реалистических сценариев можно предположить, что верховная власть плавно перейдет к семейному клану Кимов при поддержке наиболее близких уцелевших соратников нынешнего лидера, что, судя по практике 2012 г., так и происходит. При таком раскладе Ким Чен Ын остается на почетном месте руководителя страны, но, скорее всего, с чисто номинальными функциями.

Другой вариант – переход власти к «коллективному руководству», конгломерату сил, в котором в разной степени будет представлена партийная, военная элита, верхушка спецслужб, пока не просматривается.

Нет необходимости доказывать, что подобные формы правления следует рассматривать как временные, переходные и длящиеся до тех пор, пока агония власти и деградация управления не вступят в завершающую стадию. На этом этапе на авансцену, скорее всего, могут выйти новые силы, причем как в самой стране, так и пришедшие извне.

Наиболее драматичный сценарий – установление в стране военной диктатуры, отказавшейся от внешних политических декоративных форм, что наиболее вероятно в случае вырождения способности к управлению, угрозы распада государственных структур вследствие обострения фракционной борьбы и окончательного разложения правящей элиты.

Логично предположить, что в таком случае инициаторами и главными действующими лицами выступят не представители пхеньянской военной верхушки, а молодые амбициозные генералы с периферии, которым путь наверх, в столицу при Ким Чен Ире был закрыт в силу вышеописанных особенностей его кадровой политики.

Подобный сценарий стал бы уравнием со многими неизвестными: весьма скудные данные об умонастроениях офицерского корпуса на данном этапе позволяют лишь в общих чертах строить предположения о том, чего можно ожидать от этой когорты. Проведя большую часть жизни по дальним гарнизонам, представители региональной военной элиты плохо себе представляют не только реалии внешнего мира, но и действительность в самой Северной Корее. Вместе с тем они, скорее всего, будут преисполнены желанием действовать во имя «наведения порядка», естественно, в соответствии со своим пониманием ситуации.

Наверняка можно сказать одно: проведение каких-то аналогий между активной частью северокорейского генералитета, вероятно уже сейчас стремящегося к власти, и их южнокорейскими коллегами периода эпохи военных диктатур 1960 – 1980 годов едва ли уместно. Политическое кредо северокорейских военных, насколько об этом можно судить – не экономические реформы, о которых они не имеют даже поверхностного представления, а борьба против «капиталистического разложения» внутри страны и внешних врагов в лице США и Южной Кореи.

Иными словами победа армии будет определенно означать усиление националистических и милитаристских тенденций в политике, а также непредсказуемости в действиях Пхеньяна на международной арене. (В качестве самого общего соображения упомянем, что этот тренд в условиях назревания национальной катастрофы едва ли окажется устойчивым: после первых же крупных провалов военной власти любого «разлива» национализм и радикализм могут легко вырождаться в свою прямую противоположность – «попрошайничество» у бывших противников в обмен на сдачу позиций по принципиальным вопросам).

Тем не менее, сценарий узурпации высшей государственной власти представителями армейской среды наиболее сложен с точки зрения просчета его возможных последствий. Крутые, но в то же время заведомо бессистемные меры северокорейских военных, которые вряд ли могут содержать сколь-либо существенную рациональную начинку, в состоянии лишь ускорить нарастание хаотических явлений – вплоть до начала процессов дезинтеграции страны.

Царящая разруха, фактическое отсутствие коммуникаций, связывающих центр с отдаленными регионами, создают условия, при котором распад КНДР как государственной общности может стать реальностью, причем в довольно короткие сроки. Для примера сошлемся на то, что ввиду аварийного состояния железнодорожных путей (автомобильных не существует вовсе) север, северо-восток и юго-восток для Пхеньяна труднодоступны уже сейчас. Поезд из г. Раджина до столицы покрывает расстояние в 850 км в лучшем случае за 5-6 дней, причем крупные аварии на путях уже вошли в практику и не вызывают удивления. В случае взрыва одного-двух транспортных туннелей на маршруте Пхеньян – Вонсан практически все восточные регионы могут стать изолированными от центра, в результате чего страна окажется раздробленной по рубежам: Запад (вместе со столичным регионом) – Северо-восток и Юго-восток.

Процесс политической и экономической деградации на этом, скорее всего, не остановится и в отсутствие сильной центральной власти страна превратится в поле столкновений между различными кликами и военизированными структурами в борьбе за контроль над сокращающимися материальными ресурсами. При таком развитии событий единый народнохозяйственный комплекс со временем, очевидно, окончательно распадется, а примитивная производственная деятельность будет редуцирована до уровня замкнутых ячеек, ведущих натуральное хозяйство.

Насколько можно убедиться, практически все вышеперечисленные вероятные сценарии политической эволюции режима, которые в условиях во многом традиционного северокорейского общества могут сводиться лишь к определенному набору различных «верхушечных» комбинаций, выглядят достаточно пессимистично с точки зрения перспектив решения неотложных национальных проблем. Вполне очевидно, что реализация любой из этих опций – в чистом или «смешанном» виде – с неизбежностью будет вести к дальнейшему ухудшению общей ситуации и, в конечном итоге – полному государственному банкротству.

Нет сомнений, что в Пхеньяне все это неплохо понимают. Поэтому какой бы режим не находился у власти рано или поздно ему придется задуматься о возможностях привлечения внешних ресурсов в целях стабилизации ситуации. Обращение за помощью к Западу и Южной Корее остается потенциально реальным вариантом, но не в ближайшей перспективе. Вполне понятно, что обязательным условием предоставления крупномасштабного содействия со стороны международных доноров (вопрос об объемах и формах такой помощи мы оставляем за рамками данного исследования) будет требование о

кардинальном изменении политических и экономических основ государства, и полный разрыв со всем наследием режимов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Все это абсолютно неприемлемо для северокорейской правящей элиты, вне зависимости от того, какая ее фракция в конечном итоге одержит верх. Кроме того, выбор либерально-демократической альтернативы «снизу» также пока не просматривается, ввиду отсутствия ориентированных на это общественно-политических сил, о чем мы уже писали выше.

Пока же для пхеньянских руководителей (и, скорее всего, их ближайших наследников) единственным «спасительным кругом», ухватившись за который, можно попытаться продлить выживание режима, остается Китай. Естественно, платой за это может стать утрата части экономического, а, возможно, и политического суверенитета, но зато в качестве награды будет создание «подушек безопасности» для стабилизации социально-экономической ситуации.

В настоящее время Китай остается, пожалуй, единственной державой, которая не только всерьез обеспокоена по поводу неясных перспектив развития обстановки в Северной Корее, но и предпринимает последовательные целенаправленные усилия на государственном уровне в целях создания и закрепления в своих руках реальных рычагов влияния на ситуацию в этой стране.

Приход к власти в КНР в начале нулевых годов XXI-го века нового руководства стал серьезным испытанием для китайско-северокорейских отношений. Руководители «четвертого поколения», люди прагматичные, лишенные революционной романтики, которая была свойственна их предшественникам, и не испытывающие идеологических симпатий к бывшим собратьям по оружию, некоторое время не могли взять в толк – зачем Пекину нужно нести невосполнимые затраты по политической и материальной поддержке Северной Кореи – страны, которая упорно не хочет у себя ничего менять.

И все же после определенных колебаний геополитические соображения взяли верх над чисто утилитарными. Скрупулезные расчеты показали, что коллапс Северной Кореи и утрата этой территории как важной буферной зоны в случае прихода туда южнокорейцев и американцев вместе с их военной инфраструктурой в стратегическом отношении обойдется гораздо дороже, чем поддержание «на плаву» северокорейского режима.

Китайские лидеры осознали, что ни о каких преобразованиях или воссоединении с Южной Кореей Ким Чен Ир не помышлял и был заинтересован исключительно в консервации ситуации, в том числе и ради сохранения статус-кво на Корейском полуострове (вполне вероятно, что своими расчетами он откровенно поделился с партнерами). Такой расклад в целом устраивал Пекин, который решил использовать создавшуюся благоприятную ситуацию для укрепления своего присутствия в КНДР и планомерного обеспечения экономической привязки приграничных районов этой страны к северо-восточным регионам Китая.

Свертывание по инициативе Сеула политического диалога и сотрудничества с Пхеньяном и последовавший за этим «выход» Южной Кореи из ряда крупных межкорейских экономических и гуманитарных проектов стал для Китая ценным подарком. Пользуясь отсутствием конкуренции, Пекин приступил к планомерному освоению северокорейского экономического пространства. В приграничных провинциях Северной Кореи, а затем и южнее, китайский бизнес берет под свое «крыло» важные месторождения полезных ископаемых, инфраструктуру, перспективные промышленные объекты, в том числе и те, которые изначально предназначались для совместного использования Севером и Югом Кореи. При этом ставка делается не на получение немедленных выгод, а на овладение

«командными высотами» в экономике КНДР, чем можно будет воспользоваться в отдаленном будущем.

В долгосрочной перспективе такой курс дает Пекину заметные преимущества над другими державами, заинтересованными в корейских делах. Даже при наихудшем раскладе, если коллапс все же произойдет, и встанет вопрос об установлении международной опеки над Северной Кореей, все «козыри» окажутся в руках Пекина. Не дожидаясь международно-правовых решений, китайцы, опираясь на свое весомое присутствие в стране, хорошее знание ситуации, возможность прямого выхода на влиятельных чиновников, могут легко взять под свой административный и военный контроль северные и центральные регионы КНДР, поставив США и РК перед свершившимся фактом.

При подобном раскладе, который, несмотря на свою гипотетичность, представляется вполне реальным, Северная Корея может оказаться поделенной де-факто на новые сектора контроля, причем рубежи размежевания в таком случае будут проходить между китайскими и американо-южнокорейскими силами. Нет необходимости доказывать, что при таком сценарии решение задачи объединения Кореи, которую в Сеуле хотели бы оперативно решить путем «поглощения» Севера, окажется отодвинутой на весьма неопределенную перспективу.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Ослабление социальных иерархий и государственных социальных обязательств

По мере дальнейшего ослабления экономической роли государства и развития квази-рыночных отношений, в северокорейском обществе складывается новая ситуация. Старая система, при которой материальное положение каждого человека регулировалось т.н. «сонбуном» – классовым происхождением и связанным с ним социальным статусом, к настоящему времени почти перестала действовать. Только высшие партийные и государственные кадры, а также обладающие особыми заслугами ветераны продолжают получать, и то значительно сократившийся, набор номенклатурных благ, на минимальном уровне все еще снабжаются армия и спецслужбы – оплот режима, в то время, как подавляющая часть населения из тех 14 групп и множества подгрупп, на которые по-прежнему подразделяется северокорейское общество, оказалась полностью предоставлена самой себе.

Потеря прежнего статуса сопровождается не только ощутимым ухудшением материального благосостояния, но и не менее болезненными моральными потрясениями, утратой ориентиров, следствием которых является все более заметное разочарование в чучхейско-сонгунских постулатах, остающихся идеологическим стержнем северокорейской государственности. Сложилась критическая для социально-политической стабильности ситуация раскола северокорейского общества. С одной стороны, растет благосостояние верхушки общества, имеющего доступ к иностранной валюте, дорогим автомобилям, другим благам. А с другой – увеличивается число людей на грани голодной смерти, число которых оценивается в 3-5 млн. человек.

Социальное положение человека в современном северокорейском обществе определяется в первую очередь наличием материальных возможностей, которые теперь отнюдь не всегда адекватны его (или его родителей) партийной или административной позиции. Лучше всего себя чувствуют те, кто:

- ✓ имеет доступ к распределению государственных материальных ресурсов,
- ✓ к внешнеэкономическим операциям,
- ✓ кто сумел создать свое небольшое «дело» (крупных и даже средних частных бизнесменов в КНДР пока нет, однако процесс накопления индивидуального капитала идет нарастающими темпами),
- ✓ кто «крутится»,
- ✓ научился получать выгоду от своей должности или общественной позиции.

Следует отметить, что проживающие на Севере корейцы в новых условиях, которые было вынуждено предоставить государство, ослабив экономический и административный контроль за населением (политический режим остается сверхжестким), вновь, в который уже раз, проявили столь присущие этой нации качества – приспособляемость, предприимчивость, готовность упорно трудиться в самых непростых обстоятельствах. В стране практически не осталось семьи, где бы не занимались дополнительными подработками, не «подкрепляли» свой бюджет, продовольственный баланс всеми возможными способами.

Социальные трансформации сопровождаются существенными коррекциями моральных принципов – то, что еще совсем недавно считалось зазорным, неприемлемым, превращается чуть ли ни в повсеместное явление. Как говорят теперь между собой сами

корейцы, «мы научились жить по-новому, все овцы вымерли еще в период “трудного похода”, в живых остались только волки с острыми зубами».

Вопреки тому, что общая экономическая ситуация в стране остается крайне тяжелой, даже на первый взгляд заметно, что люди стало гораздо разнообразнее одеваться, чем это было, скажем, в 1990-е и даже наиболее благополучные 1980-е годы. Фактом является и то, что немало северокорейцев стало лучше питаться – в Пхеньяне в обеденное время трудно найти свободное место в многочисленных кооперативных столовых и ресторанах. В городах в период праздников (осенние и весенние дни поминания предков, Первое мая, 15 августа и т.д.) все скверы заполнены празднично одетыми семейными группами, коллективами, которые устраивают пикники с приготовлением шашлыков и обильными возлияниями. При Ким Ир Сене, когда в среднем на взрослого человека в год по карточкам приходилось по 2 кг мяса и 4 бутылки водки, таких развлечений почти не было.

Впрочем, внешнее благополучие отдельных слоев населения резко контрастирует с нищетой другой его части, гораздо более многочисленной. Имущественное расслоение, которое продолжает углубляться, сейчас является в КНДР, возможно, наиболее острой социальной проблемой. Этот фактор одновременно стал в последние годы одной из тех черт, которые отличают современную Северную Корею от того, что представляла собой эта страна до «трудного похода» середины 1990-х годов.

Расширяющаяся пропасть между «новыми корейцами» и основной массой населения сопровождается появлением и разрастанием таких социальных пороков, которых там раньше почти не знали: коррупция, воровство, мошенничество, бродяжничество, наркомания, проституция. Происходят не очень благоприятные изменения в самом менталитете корейцев – данные трансформации следует отнести целиком и полностью на совесть тех в руководстве страны, кто поставил их перед необходимостью выживать любыми способами.

Все чаще приходится сталкиваться с равнодушием к чужой беде, стяжательством, меркантильностью, обманом, обвешиванием и обсчетом, что в прошлом для северокорейцев было не характерно. Тяжелые жизненные условия вносят коррективы не только в социальные, но и в семейные связи, переориентируют людей, заставляют их вести себя по-новому, гораздо жестче – старикам теперь не стесняются дать понять, что они являются обузой, случается, что матери, не имея возможности прокормить своих детей, просто оставляют младенцев на рынках или вокзалах.

Происходит довольно парадоксальное явление: северокорейцы (конечно, не все, но значительная их часть) все дальше уходят от свойственных им еще совсем недавно традиционализма и патриархальности, не говоря уже о социалистических моральных нормах, и все более становятся похожими на своих южных соседей давным-давно приспособившихся к жизни по принципу «каждый сам за себя», к требованиям и возможностям общества потребления.

Так, мужчины из числа преуспевающих пхеньянцев, например, теперь все чаще проводят свободное время вполне по-сеульски – коллективные, всей конторой, походы в рестораны с потреблением т.н. пхотхан-чжу (бокалы-«бомбы» с пивом, в которые на Севере в отличие от Юга добавляют не виски, а водку), караоке, даже общение с женщинами соответствующего поведения. Пхеньянские студентки, в свою очередь, как и их южнокорейские ровесницы, в последнее время нередко находят себе вполне взрослых покровителей и т.д. Сказанное выше не означает, конечно, что такие явления стали повсеместными, однако они уже есть, и их уже нельзя отнести к единичным случаям.

Как уже отмечалось, социальное и имущественное расслоение стало одной из главных проблем северокорейского общества. На самом его верху расположился средний класс, численность которого с известными оговорками можно сопоставить с абонентской базой

местной сотовой телефонной сети (около 600 тыс. человек по состоянию на конец 2011 г.). На дне – бездомные бродяги, лишившиеся жилья в результате природных катаклизмов или квартирных афер, и сироты-беспризорники, оккупировавшие свалки и помойки.

Если же говорить о «средней температуре» по стране, то население КНДР, безусловно, живет гораздо лучше, чем в 1990-е годы «трудного похода», однако все еще хуже, чем в период «чучхейского рассвета» середины 1980-х годов.

Экономические проблемы повлекли за собой заметное ухудшение работы северокорейской системы здравоохранения. Нехватка лекарств и медоборудования, дефицит коек в больницах, низкий уровень подготовки врачей, абсолютно оторванных от достижений современной медицины, накладывается на общее изможденное состояние большинства людей, которые вынуждены мириться с холодом в квартирах в зимний период, скудным питанием, отсутствием воды (а, значит, неудовлетворительным гигиеническим состоянием жилья).

В наиболее тяжелой ситуации оказались уязвимые слои населения – дети, старики, беременные женщины. В связи с запретом на аборт женщины вынуждены обращаться к подпольным акушеркам, что отнюдь не способствует их здоровью. В стране растет число заболевших туберкулезом, корью, гепатитом и другими инфекционными заболеваниями, включая венерические (как следствие падения нравов). Система здравоохранения в КНДР практически перестала быть бесплатной. В подавляющем большинстве случаев (исключение – некоторые ведомственные больницы) больные сами должны не только приобретать лекарства, питаться за свой счет в больницах и приносить собственные постельные принадлежности, но и доплачивать врачам.

Важнейшей социальной проблемой, грозящей тяжелыми последствиями для будущего развития страны, является ухудшившееся качество среднего, среднего специального и высшего образования. Главной проблемой здесь остается все та же оторванность от современных мировых научных знаний, а также перенасыщенность учебных программ политическими предметами (появился и новый учебный курс – «Величие товарища Ким Чен Ына») за счет сокращения часов отведенных для обучения основной специальности.

По некоторым подсчетам, на бесполезную для практической работы политическую зубрежку приходится от 40 до 60 процентов всего учебного времени. Продолжается практика отвлечения студентов и школьников на сельхозработы, всевозможные мобилизации и репетиции. Пример – откомандирование в 2011 г. всех студентов Пхеньяна на строительство новых жилых кварталов. В этой связи срок их учебы продлен на год.

В КНДР сохраняется довольно эффективная система отбора наиболее талантливых школьников и студентов, и есть несколько неплохо оснащенных учебных центров (в том числе, в отличие от основной массы институтов и школ, имеющих доступ к иностранной литературе), но общий уровень подготовки, как и уровень требований, снизился. Теперь даже в Университет им. Ким Ир Сена можно поступить не по итогам собеседования, а «по договоренности» с нужными людьми. Успешная сдача сессии зависит не только от знаний студента, но и от материальных возможностей его родителей.

Следует отметить, что, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в КНДР, политическую стабильность в стране по-прежнему надежно гарантируют мощный пропагандистский аппарат и разветвленная сеть сыска и контроля. Впрочем, держать людей в повиновении с каждым годом становится все сложнее, непреложным фактом является то, что потенциал недовольства продолжает накапливаться.

Расслоение по территориальному признаку. «Закрытые города»

Характер северокорейской политической системы предполагает жесткие ограничения в передвижении людей, что на протяжении десятилетий консервировало изолированность, закрытый характер практически каждого из населенных пунктов КНДР, вне зависимости от его размера или хозяйственной специализации. Более того, различные районы крупных городов также существовали в отрыве один от другого, при этом почти в каждом таком городе был один или несколько особых районов, которые были «самыми закрытыми». Для выезда, даже временного, из места постоянного проживания северокорейцу необходимо было иметь достаточно серьезный повод. Разрешение на выезд оформлялось специальным разрешением.

В последнее время по целому ряду причин ограничения на передвижения существенно ослабли, стало возможным перемещаться не только из уезда в уезд, но и посещать другие провинции. Однако многие населенные пункты сохранили свой закрытый характер, причем степень закрытости и ее подоплека могут существенно отличаться.

Наиболее многочисленными являются закрытые городки, воинские гарнизоны, военные базы и полигоны КНА, Министерства народной безопасности, Министерства охраны госбезопасности, Рабоче-крестьянской красной армии и других воинских формирований. Они имеются практически в каждом уезде, наивысшая концентрация – вдоль демилитаризованной зоны.

Резиденции северокорейского руководства. В КНДР имеется несколько десятков государственных резиденций, в которых на постоянной основе или время от времени проживал Ким Чен Ир или его ближайшие родственники. Известно, что в большую часть времени он жил и работал в районе Хыннама, регулярно посещал резиденции в Мехянсане и в пригороде Пхеньяна. В распоряжении «ближнего круга» имеются также специальные охотничьи и рыболовные угодья, спортивные базы, ипподром. Как вокруг используемых, так и около долгие годы остающихся законсервированными гостевых комплексов созданы небольшие поселения, где живет охрана и обслуживающий персонал. Доступ в эти поселки и выезд из них строго воспрещен, они функционируют в основном, на принципах полной самообеспечиваемости, за исключением тех периодов, когда в них поселяются гости – тогда начинается доставка продуктов и предметов первой необходимости из специальных сельхозпредприятий и баз снабжения.

Особые сельскохозяйственные районы и производственные зоны. В КНДР имеется несколько закрытых районов, в которых производятся и перерабатываются экологически чистые сельскохозяйственные продукты высокого качества. Крупнейшим из таких районов является зона Огок в провинции Южная Пхенан. Можно упомянуть также Тэдонганское и Ковонское фруктовые хозяйства в провинциях Южная Пхенан и Южная Хамген соответственно. Кроме того, имеется несколько рыбоводческих хозяйств, где выращиваются ценные виды рыб (форель, осетры, лососевые). В качестве особого производственного комплекса выделяется специальная часть Ренсонского пищеперерабатывающего комбината. Свободный доступ в указанные районы отсутствует, они являются жестко изолированными производственными единицами, которые обслуживаются специально подготовленным, тщательно отобранным по своим политическим и деловым качествам персоналом.

Особые территории северокорейского ВПК. Лучшие выпускники Института естественных наук, Технического университета им. Ким Чака и соответствующих факультетов Университета им. Ким Ир Сена отбираются ведущими научно-техническими центрами, расположенными в закрытых северокорейских городах, выстроенных по принципу аналогичных объектов Советского Союза (Челябинск-65, Томск-7, Арзамас-16).

Известно, что один такой городок расположен в пригороде Пхёнсона – там еще в начале 1990-х годов работала группа российских ракетчиков. Точно известно, что аналогичное поселение имеется в районе Кильчжу, там, где расположены основные центры испытаний ракетно-ядерной техники. Закрытой административной единицей является пригород Нёнбёна, где расположен главный северокорейский ядерный центр. Центр химических исследований с соответствующим выделенным из состава провинции городком выстроен неподалеку от Хамхына.

Исправительные учреждения. В КНДР существует несколько основных видов исправительно-трудовых лагерей, которые существуют как изолированные от внешнего мира, практически полностью самообеспечиваемые населенные пункты с различными по степени жесткости режимами содержания их обитателей.

Наиболее мягкими условиями отличаются поселки для попавших в немилость за незначительные прегрешения партийно-хозяйственных функционеров и членов их семей. Имеются и лагеря для тех, кто допустил серьезные политические или уголовные преступления – их режим гораздо более жесткий. В КНДР также есть небольшие изолированные населенные пункты (или районы, кварталы в открытых городах), где живут и работают особые категории граждан – иностранцы (так, например, жили похищенные японцы, в столице – это недоступный для посещения без спецразрешений дипломатический городок в Восточном Пхеньяне), инвалиды, больные проказой, заразными болезнями. На одном из островов неподалеку от Вонсана, например, расположен закрытый поселок для тех, кто проходит курс (надо сказать, очень жесткий) лечения от алкоголизма.

Особые экономические районы с иностранным участием. В настоящее время в КНДР имеется четыре таких зоны – Кэсонский промышленный комплекс, Кымгансанская туристическая зона, совместная с КНР экономическая зона Хвангымпхен и торгово-экономическая зона Расон.

По грубым прикидкам, общее число постоянных обитателей закрытых административных единиц в КНДР составляет около 400 тыс. чел. (без учета военных и заключенных исправительных лагерей, численность которых трудно оценить даже весьма приблизительно).

Власть и проблемы адаптации молодежи к новым социально-экономическим условиям

Нельзя сказать, что современная северокорейская молодежь полностью утратила черты, которые были свойственны ее ровесникам в 1970-1980-е годы – патриотизм, преданность вождю, коллективизм, жертвенность, бескорыстие. У значительной части молодых людей эти черты характера в той или иной степени проявляются и сейчас. Однако эпоха экономических потрясений, приведшая, как уже было отмечено, не только к падению уровня жизни значительной части населения, но и к появлению «новых корейцев», к расслоению общества и распространению явлений, противоречащих чучхейским постулатам, в значительной степени скорректировала линию поведения и образ мышления большинства населения. Внешняя сторона общественной жизни остается без изменений – те же митинги, шествия, изъявления верности руководству и Родине. Однако на деле все обстоит не совсем так, как в прошлом.

Сейчас для значительной части северокорейской молодежи на передний план выходят другие ценности – достижение материального благосостояния, неутомительная работа, дополнительные доходы, получение доступа к развлечениям, модная одежда, хорошая еда и напитки, секс. Для многих юношей сокровенной мечтой сейчас является уклонение от службы в армии – мало кто по своей воле выбирает напряженную боевую и физическую

подготовку, отягощенную нехваткой питания, плохим обмундированием, дедовщиной, холодом в казармах, тяжелым трудом на стройках и в поле.

Поскольку большинству приходится служить по 7-10 лет, многие возвращаются из армии домой (если демобилизованные в «добровольно-принудительном» порядке еще на пару лет не отправляются на очередной объект «сонгунской» революции) не только полностью забыв школьные знания, которые мало кому удастся восстановить (даже если затем по разнарядке молодой человек попадает в ВУЗ), но и с серьезными проблемами со здоровьем.

Конечно, сказанное выше не означает, что в КНДР нет молодых ребят, которые идут в армию действительно «по зову сердца», немало юношей хотят стать офицерами, а согласно недавно принятым правилам, в военное училище теперь принимают только солдат срочной службы. Для девушек, в свою очередь, служба в армии зачастую является единственным способом уехать из сельской местности и, если повезет, после увольнения поступить в институт или остаться в городе.

Сейчас во взрослую жизнь вступают те, кто появился на свет в период резкого снижения рождаемости начала-середины девяностых годов. Призывной ресурс значительно сократился. Поэтому в армию в обязательном порядке забирают теперь не служивших выпускников ВУЗов (технические специальности – три года, гуманитарные – пять лет). Некоторые родители предпочитают отправлять своих сыновей в армию до достижения призывного возраста (это теперь стало возможным), действуя по принципу «раньше сядешь – раньше выйдешь». Но все же число тех, кто пытается уклониться от службы в армии, растет. «Уклонистов» и их пособников жестко наказывают – известен случай, когда одного из руководителей провинции Северная Пхенан за попытку спрятать сына от призыва сняли с должности и вместе с семьей выслали в один из отдаленных районов.

Молодежь КНДР на каждом шагу сталкивается с несправедливостью современного северокорейского общества – уже в школе есть счастливики с сотовыми телефонами, в то время как многие приходят на занятия даже без обычной обеденной коробочки с рисом и солеными овощами. В институтах все знают сокурсников, которые под тем или иным благовидным предлогом не едут на высадку рассады или прополку риса, откупаются родительскими деньгами вместо того, чтобы работать на строительстве жилья в столице и терять на этом целый год.

Примечательно, что руководство страны в последнее время начало переводить систему «откупов» на официальные рельсы. Если раньше договариваться приходилось «без свидетелей» (с администрацией института, начальством на работе или председателем народной группы), то сейчас во многих случаях все делается совершенно открыто. Отец, например, может освободить свое чадо от работы на стройках столицы за 10 т цемента, на сбор риса можно не поехать, внося деньги на приобретение продовольствия для тех, кто отправляется в кооперативы и т.д. Это несколько сужает нелегальный рынок «социальных услуг», однако напряженность в обществе, обусловленная разрывом в возможностях различных слоев населения, от этого не становится меньше.

Более того, если говорить о молодежной среде, то негативное отношение к тем, кто пользуется такими привилегиями, со стороны значительно более многочисленной «общей массы», вне зависимости, официально получена индульгенция или за взятку, становится все более отчетливым. При этом, что характерно, сейчас стал еще более заметным кастовый характер, nepотизм северокорейского общества, молодежь сталкивается с тем, что подняться на более высокую ступеньку в социальной структуре выходцам из низов почти никогда не удается.

Как правило, дети родителей из среды партийно-государственных кадров заключают браки только между собой, точно также как и дети военных, артистов, руководителей спецслужб, бывших «чхонренцев». Если по особым способностям и талантам не получается поступить на работу в закрытый НИИ или художественный коллектив с особыми пайками, остается либо смириться с судьбой и прозябанием, либо заняться полулегальным бизнесом или, что также случается в последнее время все чаще – преступать закон. Речь идет, в частности, об изготовлении и реализации наркотических препаратов, фальсифицированных лекарств, продуктов питания – этим все чаще занимаются именно молодые люди в возрасте до 35 лет.

Нарушение законов, всевозможных запретов сейчас стало в среде молодежи обычным явлением – студенты курят и употребляют спиртные напитки (хотя этого делать им нельзя), не понаслышке знакомы с сексом, многие девушки «подрабатывают», встречаясь с состоятельными покровителями. Имеются факты и гомосексуальных связей, особенно в армии, где юноши вынуждены служить до 30 лет без всякой возможности «пообщаться» со сверстниками.

Более всего руководство страны беспокоит проникновение западной культуры – молодежь смотрит южнокорейские и американские фильмы на дисках, слушает зарубежные радиопередачи. Собственно северокорейские кинофильмы, постановки, концерты из-за их набившей оскомину идеологизированности мало кому интересны. Свою музыку и песни поют и слушают как бы по инерции – во всех ресторанах и столовых с большим удовольствием смотрят российские концерты разных лет, записанные по случаю Праздника Победы, программы «Танцы со звездами», выступления российских фигуристов.

Что же касается репертуара домашних просмотров, организуемых только среди близких друзей, то он нередко бывает южнокорейским. Доносительство по-прежнему остается весьма распространенным явлением, наказания – жестокими, однако искоренить это явление властям не удастся. Кроме того, богатые родители могут «откупиться» от карательных органов.

Так что тенденция все большего распространения носителей «враждебной» информации сохраняется. Проблемой для руководства страны является не только то, что «золотая молодежь», на которую приходится делать ставку в расчетах на сохранение режима в будущем, является наиболее пораженной «западной заразой» частью общества, но и то, что она остается главным каналом, через который «враждебный» культурный поток распространяется «в низы». Противодействие этим негативным процессам возложено на несколько структур, в том числе на т.н. группы по борьбе с антисоциалистическими явлениями и «команды №903» – первые укомплектованы неподкупными ветеранами, а вторые – молодыми представителями одного из элитных подразделений ГКО. Впрочем, указанные структуры могут только притормозить широко развернувшиеся процессы идеологического «размягчения» молодежной среды, однако не в состоянии их остановить или, тем более, повернуть вспять.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Расширение торгово-экономических обменов с зарубежными странами в последнее десятилетие позволило уменьшить негативные последствия спада северокорейской экономики, отражавшего прекращение в 1990-е годы сложившихся хозяйственных связей с СССР и восточноевропейскими государствами-членами СЭВ, способствовало поддержанию минимально необходимой жизнедеятельности индустрии и функционирования промышленной инфраструктуры. Но лишь в конце нулевых годов XXI-го века КНДР смогла превысить показатель внешней торговли 1990 г. (4,2 млрд. долл.)

Главными торгово-экономическими партнерами страны стали Китай и Республика Корея, на долю которых приходится около 80% внешнеторгового оборота КНДР, причем на КНР – более половины. В 2010 г. Ким Чен Ир дважды посещал КНР. В мае 2011 г. состоялся последний визит северокорейского руководителя в Китай, как традиционно отмечает китайская печать, с целью изучения опыта реформирования экономики. Пекин и Пхеньян в очередной раз подтвердили согласие всемерно содействовать двусторонним обменам в экономической области. За этим стоит стремление Китая обеспечить стабильность на Корейском полуострове за счет поддержания политической и экономической устойчивости КНДР.

В связи с этим в Южной Корее возникают опасения, связанные с превращением Северной Кореи в «буферное государство», поддерживаемое КНР с целью противостояния региональной политике США и Японии, а, следовательно, и Республики Корея. В оценках южнокорейской печати такого рода китайская политика на Корейском полуострове в последнее время характеризуется с использованием казалось бы забытого термина «гегемонизм».

Вместе с тем не следует переоценивать готовность Пхеньяна следовать наставлениям Пекина, кроме того, Сеулу есть что противопоставить в Северной Корее своим конкурентам, включая Китай. Несмотря на чрезвычайно обострившиеся межкорейские отношения и срыв многих программ двусторонних обменов в 2010-2011 гг., по-прежнему функционировали производства, созданные южнокорейскими компаниями в специальной экономической зоне (СЭЗ) Кэсон в непосредственной близости от демилитаризованной зоны. Из 180 тыс. жителей г. Кэсон на южнокорейских предприятиях работает 44 тыс. человек. Более того, действующие в Кэсоне фирмы объявляют о готовности увеличить число рабочих мест еще на 25 тыс. чел. Это наглядно свидетельствует о взаимной заинтересованности сторон в продолжении реализации данного проекта (обеспечивавшего перед кризисом в двусторонних отношениях более 40% межкорейского товарооборота), несмотря на резкие перепады в политических отношениях между Сеулом и Пхеньяном. В Северной Корее (в центральном и региональном руководстве) сложился слой сторонников деловой кооперации с Южной Кореей, поддерживающих функционирование производств, которые обеспечивают стабильное поступление в страну столь дефицитной в КНДР твердой валюты.

Живучесть Кэсонского проекта в кризисных условиях 2010 г. продемонстрировала возможность развития межкорейских связей на принципах прагматизма, что позволяло бы обеим сторонам реализовать свои долгосрочные интересы. Южнокорейские предприниматели, в первую очередь средний бизнес, перенося производства в Северную Корею, стремятся снизить трудовые издержки. В ином случае им пришлось бы переводить производства в Китай и другие азиатские страны, или привлекать мигрантов. В первом случае это становится проблематичным из-за роста трудовых издержек в КНР и необходимостью искать новые возможности для инвестиций, во втором – возникают

проблемы культурной и языковой адаптации мигрантов в РК. При этом южнокорейский бизнес пользуется поддержкой правительства, заинтересованного в вовлечении КНДР в межкорейскую интеграцию.

Казалось бы, столь положительный результат функционирования зоны Кэсон побуждает Север и ЮГ расширять сотрудничество за счет создания большего числа аналогичных СЭЗ. К этому же призывает позитивный опыт других стран, в том числе Китая и Вьетнама, успешно прошедших свой путь от планово-административной к открытой рыночной экономике.

Однако все такого рода предложения, выдвигаемые Югом, блокируются Севером. Проекты строительства в КНДР прочих СЭЗ, выходящих за рамки межкорейского сотрудничества, подразумевают не создание своего рода моста между внутренней и мировой хозяйственными системами (что присуще принципам функционирования СЭЗ), а рассчитаны на появление образований анклавного характера, выполняющих те или иные функции, призванные в конечном итоге принести один желанный результат – стабильные валютные поступления.

Такой подход к созданию СЭЗ связан с тем принципиальным обстоятельством, что цели внешнеэкономической политики КНДР не носят сколько-нибудь стратегического характера, подразумевающего поиск путей обеспечения модернизации и структурных реформ. Напротив, эти цели исключительно утилитарны. Они типичны для социалистических стран и в определенной мере сопоставимы с советскими внешнеторговыми приоритетами дореформенного периода.

Главное сходство состоит в том, что внешнеэкономические связи руководство КНДР подобно советским лидерам рассматривает в качестве самостоятельной отрасли, слабо связанной непосредственно с внутренней экономикой и выступающей главным образом в качестве дополнения к основной хозяйственной деятельности. Дополнением, безусловно, важным, обеспечивающим приток в страну твердой валюты, за счет чего подпитывается лояльность правящей бюрократии, а также обеспечивается импорт сырья, оборудования и технологий, необходимых для функционирования ряда отраслей, включая оборонную индустрию, однако, в экономической политике играющим вспомогательную роль.

Отличие КНДР от советской и восточноевропейской модели состоит в более последовательной встроенности внешнеэкономических операций в северокорейскую систему обеспечения властных полномочий элит и распределения благ среди различных номенклатурных групп. Отдельно следует упомянуть поступление из-за рубежа по линии международной помощи продовольствия, лекарств и ряда других товаров, которые позволяют в значительной мере покрыть регулярно возникающий дефицит продуктов питания, медикаментов, иных социально значимых товаров.

С одной стороны, за счет внешней поддержки государственной распределительной системы снижается социальная напряженность в обществе, а с другой стороны – удовлетворяется спрос «черного» потребительского рынка в интересах достаточно широкого круга вовлеченной в этот процесс столичной и региональной «номенклатуры».

Таким образом, внешнеэкономические связи минимально связаны с функционированием производства северокорейских товаров и услуг, но в то же время непосредственно воздействуют на стабильность социально-политической системы. В этом КНДР кардинально отличается от Китая и Вьетнама.

Концептуальное отличие подходов к внешнеэкономической политике хорошо видно на примере функционирования СЭЗ. Создаваемые в КНР и СРВ СЭЗ, как и подобные образования, появлявшиеся ранее в Южной Корее, на Тайване, в странах-членах АСЕАН,

играют важную роль в модернизации бывших социалистических государств, становлению в них современных рыночных институтов.

При этом ключевым в оценке роли СЭЗ становится не столько количество экспортируемых товаров и объем привлеченных иностранных инвестиций (факторы, имеющие важное, но все же второстепенное значение), сколько эффективность отработки на этих территориях правовых, административных и экономических методов адаптации рыночных инструментов к местным условиям и возможность выявить в условиях СЭЗ наиболее плодотворные пути реформирования всей хозяйственной системы страны.

Деятельность СЭЗ может подразумевать введение административных ограничений передвижения трудовых ресурсов, товаров и инвестиций между анклавом и остальной территорией страны. Однако, как правило, функционирование СЭЗ подразумевает не только постоянные производственные обмены (людьми, товарами, комплектующими изделиями) с основной экономикой, но, главное, обмен идеями, в конечном итоге предназначенных для воспроизводства полученных в СЭЗ результатов практической проработки различных методов экономической политики. Перенесенные в целостную хозяйственную систему освоенные в СЭЗ методы управления и организации коммерческого процесса, навыки освоения персоналом современных технологий придают дополнительный импульс рыночным преобразованиям, содействуют оптимизации интеграции национальной индустрии в мировое хозяйство.

Отношение к СЭЗ в КНДР строится на иных принципах. Внутренняя экономика и отдельные ее анклавы, связанные с внешним рынком, разграничены организационно и концептуально. Перед СЭЗ не ставится задача отработки рыночных принципов регулирования экономики, которые в той или иной мере могли бы обогатить экономическую политику в КНДР. Северокорейские власти не предполагают воспроизводство рыночных принципов деятельности СЭЗ ни на общегосударственном уровне, ни в рамках каких-либо других территориальных образований. За СЭЗ закрепляется одна главная функция – обеспечение стабильных валютных поступлений, т.е. получение ренты. Поэтому и нет потребности в расширении числа СЭЗ. Как раз наоборот, число СЭЗ должно быть ограничено, с тем, чтобы гарантировать жесткий контроль над нерезидентами, а в еще большей степени – над собственными гражданами, дабы закрепить за властью исключительность в регулировании рентных отношений.

В последнее время отмечались активные попытки Пхеньяна добиться позитивного перелома в развитии внешнеэкономических связей (визит Ким Чен Ира в августе 2011 г. в Россию, обращенные к ЕС призывы расширить продовольственную помощь и деловое сотрудничество, попытки наладить взаимодействие с членами АСЕАН). Однако пока не удается усмотреть новые подходы к экономической политике, без чего невозможно дальнейшее развитие торгово-экономических отношений с внешними партнерами.

Между тем на повестке дня – потребность в кардинальном улучшении таможенных процедур, системы пропуска через границу транспортных средств, скорейшее внедрение современных систем коммуникаций. Внешние инвесторы ожидают большей предсказуемости экономической политики, приведение подготовки кадров в соответствии с рыночными требованиями, гарантий защиты инвестиций и собственности путем введения адекватных правовых норм и арбитража («неформальные отношения с бюрократией» перестают выполнять функцию заменителя правовых норм). Но все эти меры как раз предполагают внедрение рыночных принципов хозяйствования, поворот к открытости экономики, вплоть до либерализации пограничных процедур, ослабление тотального административного контроля в пользу юридических норм, вначале хотя бы в рамках СЭЗ.

Сформировавшаяся в окончательном виде при жизни Ким Чен Ира экономическая система не готова к подобным нововведениям, а зарождающиеся в ее недрах инициативы вписываются в сложившиеся, жестко регулируемые правящим режимом схемы сохранения механизма распределения валютной ренты, расширения числа источников поступления продовольственной помощи и обеспечения минимально необходимой подпитки внешними ресурсами национальной экономики.

Очередной кризис, возникший весной 2009 г. из-за тупика в решении проблемы северокорейской ядерной программы и новых демонстраций Пхеньяном своих достижений в наращивании ракетно-ядерного арсенала, привел к усилению международных санкций в отношении КНДР. Это не могло не отразиться негативно на ее внешней торговле, затруднило импорт сырья и продовольствия, других жизненно важных товаров и услуг. В целом усилилась международная изоляция Пхеньяна, многие страны, в том числе даже традиционные партнеры КНДР, «заморозили свои экономические контакты с этой страной». Масштаб межкорейских обменов также ограничен из-за действия политического фактора.

В этих условиях Китай остается единственным крупным партнером, сотрудничество с которым открывает для Пхеньяна возможности поддерживать социально-экономическую стабильность на минимально возможном уровне, но одновременно ставит КНДР перед новыми вызовами.

Экономическая политика Китая в отношении КНДР

В отличие от других стран КНР, имеющая с Северной Кореей протяженную границу, историческую и идеологическую общность, многочисленную корейскую диаспору, не может позволить себе участие в какой-либо коалиционной политике, ведущей к удушению соседки и краху северокорейского режима. Это, очевидно, грозило бы как минимум крупномасштабной гуманитарной катастрофой, массовым наплывом в Китай северокорейских беженцев. Как максимум Пекин, имеющий союзные обязательства перед Пхеньяном, столкнулся бы с необходимостью принимать дорогостоящие меры военно-политического характера для защиты и своего союзника, и северо-восточной части своей страны.

Поэтому руководство КНР, выждав, когда основные разряды громкого международного недовольства ракетно-ядерными упражнениями Пхеньяна пойдут на убыль, воспользовалось возникшим новым вакуумом вокруг КНДР и продолжило свою протекционистскую политику в отношении Северной Кореи.

В этих целях была использована круглая дата – 60 лет установления дипломатических отношений. В течение года стороны обменялись многими десятками делегациями различного профиля и уровня – от высоких партийно-правительственных и военных до представителей пионерских организаций из приграничных районов двух стран. Самым широким образом осенью следующего года была отмечена другая круглая дата – 60-я годовщина вступления китайских добровольцев в корейскую войну 1950-1953 гг. Многочисленные делегации из КНР, главным образом, военные, были явно призваны продемонстрировать решимость Пекина не давать в обиду своего северокорейского протеже.

В 2010-2011 годах Ким Чен Ир трижды посетил Китай. На встречах с высшими руководителями КНР проговаривались различные совместные проекты, включая расширение и углубление связей в торгово-экономической области на межрегиональном уровне. Характерно, что во многих двусторонних встречах и беседах принимали участие партийные и административные руководители провинций обеих стран, географически примыкающих

друг к другу: Цзилинь, Ляонин и Хэйлунцзян – с китайской стороны, Северная Пхенан, Чаган, Рянган, Северная Хамген – с корейской.

В общем плане стороны, по китайской инициативе, договорились следовать пяти принципам сотрудничества: поддерживать регулярные контакты на высшем уровне, усилить стратегическое взаимодействие, своевременно обсуждая важнейшие международные и внутренние проблемы, углублять торгово-экономическое сотрудничество, развивать культурные и гуманитарные связи, улучшить координацию по вопросам сохранения мира и стабильности в Северо-Восточной Азии. В сфере двустороннего межрегионального сотрудничества был учтен проект развития северо-востока КНР до 2020 г. под условным названием «План развития Чан-Цзи-Ту» (г. Чанчунь-провинция Цзилинь-бассейн реки Тумынь или Туманган). Важнейшей его концептуальной частью является создание нового центра экономического роста, строительство транспортной инфраструктуры, получение выхода к Японскому морю, прежде всего, через северокорейские порты.

С 2011 г. проекты двустороннего сотрудничества стали постепенно реализовываться. Их направленность указывает на усиление экономической привязки к Китаю КНДР в целом, а ее приграничных районов в особенности.

Привязка делается по двум стратегическим направлениям: на северо-западе (район Синьдзжу) и северо-востоке КНДР, в рамках торгово-экономической зоны (ТЭЗ) Расон. На обоих направлениях создается соединяющая приграничные районы двух стран инфраструктура, прежде всего мосты и дороги.

На северо-западном направлении речь идет о создании транспортного коридора и промышленной смычки между соседними городами Даньдунь (КНР) и Синьдзжу (КНДР). В этих целях принято решение о создании особой экономической зоны на корейских островах Хвангымпхён и Вильхва на реке Амноккан (Ялудзян) общей площадью 12 кв. км в районе города Даньдунь, что оформлено указом Постоянного комитета ВНС КНДР №1693 от 6 июня 2011 г. Несколько ранее началось строительство автомобильного моста через Амноккан.

По сообщениям СМИ, там создается промышленно-логистический комплекс, где, при сохранении общего суверенитета КНДР, на китайские капиталы в особом режиме изоляции от остального населения (по типу межкорейской промзоны в Кэсоне) будет использоваться дешевая северокорейская рабочая сила. Земля сдается в аренду китайцам на период до 50 лет. Планируется создание центра коммуникаций и туризма, агропромышленного комплекса с широким использованием современных технологий переработки сельхозпродукции. Пока же возводится полоса ограждений с колючей проволокой высотой до 3 м, чтобы не допустить проникновения корейских беженцев, число которых может резко возрасти в результате появления моста и совместных проектов, сулящих лучшую жизнь. Началось также патрулирование силами безопасности двух стран с использованием катеров (три – с китайской и два – с корейской стороны) вод и берегов Амноккана.

В перспективе Пекин готовится модернизировать существующую автодорогу с грунтовым покрытием от Синьдзжу до Пхеньяна с прицелом выхода на Кэсон и далее на Южную Корею. Перевозки автомобильным транспортом на этом направлении, как и в районе Расона, получают приоритетное значение для растущих связей между двумя странами с учетом большой изношенности железных дорог КНДР, нехватки подвижного состава и электроэнергии.

В перспективе двустороннее сотрудничество предполагает модернизацию железных дорог, остающихся главным транспортным стержнем корейско-китайских связей. Так, Китай ведет строительство двух скоростных железных дорог на северо-востоке страны, которые свяжут крупные промышленные центры Шэньян и Далянь с Синьдзжу. Скорость движения

поездов по этим линиям будет достигать 250 км в час, общие расходы на строительство составят около 7 млрд. долл. Завершение проекта – в 2014-2015 гг.

На северо-востоке в районе северокорейской ТЭЗ Расон ключевая роль отведена строительству дороги с твердым покрытием на месте существующей грунтовой от погранперехода Куанхэ (КНР) - Вончжон (КНДР) через реку Туманган до корейского портового города Раджин протяженностью 50 км. Торжественная церемония начала строительства состоялась 9 июня 2011 г. с участием ряда видных руководителей с обеих стран.

В 2011 г. был реконструирован мост через Туманган, построенный еще японцами в 1930-х годах, а ныне способный пропускать большегрузные автомобили. Капиталовложения в него составили 3,6 млн. юаней (0,5 млн. долл.). Обновленная дорога соединит Раджин с китайским городом Хунчунь, от которого до упомянутого погранперехода Куанхэ-Вончжон уже имеется шоссе длиной примерно 40 км. По «плану развития Чан-Цзи-Ту» провинция Цилинь готова вложить в раджинский порт до 3 млрд. юаней.

В ближайшей перспективе по данному маршруту планируется наладить перевозку угля из расположенных в провинции Цилинь шахт до причала номер один раджинского порта с последующей транспортировкой его в южные районы Китая. В декабре 2010 г. в экспериментальном порядке уже было перевезено автотранспортом 17 тыс. т угля из Хунчуна в Раджин, а затем морем до Шанхая. В 2012 г. китайцы рассчитывают вывести через Раджин уже 5 млн. т угля. К подобной масштабной торговле углем вскоре может быть подключена Монголия, нуждающаяся в удобных путях для сбыта твердого топлива из своих богатых месторождений, а позднее – Россия.

Злободневный для Китая вопрос снабжения углем его южных провинций тем самым может быть в значительной степени решен. Сейчас для осуществления грузоперевозок, в том числе угля, северо-восточные провинции КНР используют главным образом порты Далянь и Дандунь на Желтом море. Но их отдаленность от основных месторождений сырья и высокая загруженность создают массу проблем при составлении и реализации логистических схем. Порт Раджин же находится в гораздо более удобном месте для экономики быстро развивающихся провинций Цилинь и Хэйлунцзян.

Но транспортировка угля – это, скорее, только пилотный проект. Порт Раджин для Китая может стать важнейшим «окном» в Тихий океан с точки зрения интересов большой торговли, прежде всего, с Японией. Действительно, чтобы доставить грузы из порта Далянь в японский порт Ниигата требуется около четырех дней, а из Раджина туда же – только 10 часов.

Поэтому не удивительно, что Пекин проявляет готовность основательно поучаствовать в развитии не только раджинского порта, но и всей прилегающей к его границе ТЭЗ Расон. Для этого китайская госкорпорация «Шанцзы Кванкун инвестмент» собирается вложить в эту зону порядка 2 млрд. долл. В том числе на начальном этапе 300 млн. долл. пойдет на строительство автомобильной дороги и реконструкцию железной дороги Тумэнь (КНР) – Намъян (КНДР) – Раджин.

Затем средства будут вкладываться в реконструкцию раджинского порта, строительство цементного завода, перепрофилирование существующей рядом с Раджином Сонбонской ТЭЦ (с мазута на твердое топливо), реабилитацию нефтеперерабатывающего завода «Сынни», построенного там же, в Сонбоне (Унги), при помощи СССР еще в 70-е годы прошлого столетия, но много лет простаивающего из-за отсутствия сырья. Также будет создан образцовый сельскохозяйственный комплекс в Кульпхо. Есть сообщения о готовности ряда крупных китайских компаний поставлять стройматериалы, а также инвестировать в разработку минеральных ресурсов. Злободневный вопрос всей

северокорейской экономики – нехватку электроэнергии – для Расона планируется со временем решить ее переброской из Китая.

В результате осуществления таких планов нетрудно представить, насколько солидным окажется китайское присутствие и влияние в Расоне. Оно и сейчас довольно ощутимо там, по крайней мере, по сравнению с другими частями КНДР. Ежедневно туда прибывают десятки китайских автомобилей с товарами, работают табачная фабрика, швейные мастерские, а также многочисленные ресторанчики, гостиницы, автозаправки, созданные с участием китайского частного капитала, и обслуживающие, прежде всего, китайских гостей. Строятся жилые дома с прицелом на поселение там китайских и других иностранных предпринимателей и специалистов. На городском рынке, в различных предприятиях торговли товары реализуются преимущественно на китайские юани.

Находящийся в 8 км от Раджина отель и казино «Эмперор» является своеобразным китайским островом на корейской территории, примером реализации особых интересов Китая в Северной Корее. Туда нет доступа гражданам КНДР, там говорят только по-китайски, принимают в уплату за свои услуги только китайскую валюту, в номерах доступны в основном только китайские телепрограммы, основной контингент гостей – любители азартных игр из Китая.

Недавно обновленное руководство «особого города» Расон (получившего такой статус в январе 2010 г., чтобы резко активизировать деятельность ТЭЗ) в дальнейшем рассчитывает осуществить, преимущественно с китайской помощью, не только планы значительного улучшения городской инфраструктуры, включающие строительство аэропорта, скоростной автомагистрали из Хунчуня, модернизированной железной дороги из Тумыня, обновленного судоремонтного завода, но и создать здесь крупный логистический, выставочный и туристический центры, новые предприятия легкой и пищевой промышленности, по переработке древесины и сельхозпродукции, парк развлечений.

Отмеченные выше шаги КНР по привязке к себе северокорейских приграничных регионов преследуют очевидные стратегические цели: общее притяжение Пхеньяна для усиления политического влияния на него; ужесточение контроля за приграничными, потенциально взрывоопасными в миграционном отношении районами КНДР; расширение доступа к минеральным ресурсам Северной Кореи; привлечение дешевой рабочей силы.

С точки зрения долгосрочных китайских интересов северо-восточный регион КНДР имеет приоритетное значение – китайцы впервые с конца XIX в. получают прямой выход в Японское море, который они потеряли в результате поражения в войне с Японией в 1894-1895 гг., лишившись многовекового сюзеренитета над Кореей. Одновременно использование раджинского порта помогает «расшивке» некоторых внутренних экономически узких мест, ускоряя доставку топлива и сырья с севера на юг КНР новым морским путем. По некоторым сведениям, Китай собирается использовать в своих интересах и более крупный Чондинский порт, в частности, оборудовать один из его причалов под контейнерные перевозки.

По сути своей китайско-северокорейские договоренности по экономическому сотрудничеству в районе Расона напоминают договор «о морской торговле» 1883 г. между цинским Китаем и Кореей династии Ли, по которому подтверждалась вассальная зависимость последней, а китайские купцы получали особые привилегии в торговле, что было весьма актуально в свете домогательств Японии и западных держав, требовавших открытия корейских портов и прекращения китайского диктата.

В современных условиях эти договоренности можно назвать также политикой «солнечного тепла по-китайски». Не отказываясь в принципе от оказания политического давления на Пхеньян через механизм многосторонних переговоров по денуклеаризации,

Пекин вовлекает северокорейцев в разные экономические проекты с тем, чтобы их авантюры и неудачи на политическом треке, вызывающие каждый раз ужесточение санкций из-за рубежа, не довели бы, в конце концов, пхеньянский режим до коллапса.

Размещение в северокорейских торгово-экономических зонах китайских предприятий обрабатывающей промышленности должно способствовать облегчению ситуации на рынке труда в провинциях Ляонин и Цзилинь, где стала ощущаться нехватка квалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы. А после 2017 г., по прогнозам, численность китайской рабочей силы будет и вовсе неуклонно сокращаться в абсолютном выражении. Вне специальных экономических зон Китай получает доступ к различным минеральным ископаемым северо-востока КНДР, в том числе к запасам угля и железной руды, а также редких и драгоценных металлов в уплату за свои инвестиции и поставки продовольствия. Особое значение приобретает эксплуатация Мусанского железорудного месторождения, одного из крупнейших в Азии, где возможна добыча открытым способом.

Не меньшее значение имеет и то, что Пекин получает возможность лучше знать положение на северо-востоке КНДР, контролировать населенные корейцами районы по обе стороны реки Туманган, что совсем нелишне с учетом тлеющего корейского национализма и даже идей территориального реваншизма. Ведь среди определенной части националистически настроенных корейцев (на Севере и Юге) существуют ностальгические настроения о некоторых китайских землях, принадлежавших Корее в историческом прошлом.

В последние десятилетия националистические организации регулярно организовывали визиты хорошо профинансированных делегаций, состоящих в основном из южнокорейских бизнесменов в северо-восточный Китай, нацеленных на стимулирование осознания того, что регион имеет прямое отношение к части корейского наследия и естественным местом для корейских инвестиций. Предположительно, после установления в 1992 г. дипломатических отношений между Пекином и Сеулом в этих турах приняли участие до 100 тыс. человек. Направленность и активность идеологии националистического движения побудили китайскую сторону в середине 1990-х годов на достаточно высоком политическом уровне осадить южнокорейцев, вынужденных с тех пор заявлять об исключительно культурной направленности движения и отсутствии ирредентизма.

Некоторыми аналитиками политика привязки Китаем приграничных регионов Северной Кореи применительно к району Даньдуня – Синьиджу названа «маньчжуризацией» КНДР. С таким же успехом аналогичный процесс в ТЭЗ Расон можно окрестить «яньбянизацией» ее северо-востока, т.е. углублением китайского проникновения преимущественно через двухмиллионную корейскую диаспору, которая проживает в прилегающем к этой части Кореи Яньбяньском автономном районе с центром в Яньцзи (Ёнгиль).

Значительная часть ведущих бизнес в Расоне – это китайцы с корейскими корнями, имеющие здесь родственников (на них китайским властям, видимо, легче положиться, т.к. этнические ханьцы неохотно идут на риск деловых связей с северокорейцами, имея примеры многочисленных обманов со стороны последних). Через них Пекин, очевидно, надеется быстрее приучить северокорейцев к рыночным делам, подвести к реформам по типу китайских, избегая при этом развращать Пхеньян гуманитарной помощью и проводя линию на то, чтобы, по крайней мере, побудить северян самих зарабатывать себе на жизнь через совместные экономические проекты.

Большое внимание с китайской стороны стало уделяться развитию туризма, не в последнюю очередь, в целях усиления идеологического влияния, демонстрации успехов китайской модели развития, ставших возможными благодаря сохранению руководящей роли

компартии как политического хребта системы в сочетании с рыночной экономикой. Ежегодный приток туристов из КНР в Расон и другие приграничные районы уже составляет многие сотни человек.

Разрабатываются новые разнообразные привлекательные маршруты, одним из которых становится турне сразу по трем соседним странам: северо-восток Китая – Расон - Приморский край России. Вынашиваются планы крупномасштабного регионального транснационального туризма по маршрутам: Яньбянь (КНР) – Владивосток и Сахалин (Россия) – Расон, Чондин, горно-морские районы Чхильбосан и Кымгансан (КНДР) – Сокчо и Пусан (Южная Корея). Хотя очевидно, что для развертывания таких масштабных туристических проектов потребуются не только значительные капиталовложения в комфортабельные отели, аэропорты, другие транспортные и инфраструктурные объекты, но и радикальная политическая стабилизация в КНДР и на Корейском полуострове, прежде всего стабильно работающие межкорейские договоренности, что в среднесрочной перспективе представляется маловероятным.

Ситуация в северо-восточной части КНДР не может не вызывать повышенного внимания в Пекине в силу отмеченных выше стратегических и демографических проблем. Жизнь в этом приграничном регионе, прежде всего в провинции Северная Хамген и особом городе Расон, в целом существенно не отличается от других северокорейских регионов. Такой же крайне низкий уровень жизни, та же каждодневная борьба населения за выживание, вечно снующие вокруг рынков жители с тележками и на велосипедах с мешками и рюкзаками, отсутствие нормального электро- и водоснабжения. Растет число нищих и беспризорников, заполняющих рынки и железнодорожные станции.

В определенной степени существование в этом регионе можно считать даже несколько более тяжелым из-за географической удаленности от Центра, усугубляемой неадекватным транспортным сообщением (железные дороги находятся в аварийном состоянии, электротяга ненадежна из-за хронической нехватки электроэнергии, значительную часть года по грунтовой дороге трудно пользоваться автотранспортом), а значит и потенциально более взрывоопасной. Население (как и в других районах страны) через средства массовой пропаганды призывают утешаться тем, что, несмотря на вынужденные тяготы и лишения из-за ненависти к КНДР правящих кругов США, Японии и Южной Кореи, благодаря политике «сонгун» удалось создать ядерное оружие, гарантирующие безопасность страны.

Одновременно в Северной Хамгён, как и, например, в Пхеньяне, все заметнее становится прослойка населения, явно не страдающая от недостатка денежных средств. В нее входят, помимо представителей партийной и военной элиты, люди, занимающиеся экспортно-импортными операциями с Китаем и посредническими сделками при перепродаже китайских товаров внутри страны. Зачастую они связаны семейными узами с теми же чиновниками партийно-силовых структур, что позволяет им легче обходить жесткое коммунистическое законодательство, в принципе не поощряющее частное предпринимательство и бесконтрольное обогащение отдельных личностей.

Город Чондин, центр северо-востока КНДР, некогда бывший вторым по населению и по промышленному значению в стране, утратил за последние полтора десятка лет этот статус, уступив его соседнему Хамхыну, административному центру провинции Южная Хамген. Население пошло на убыль из-за многих голодных лет и отсутствия работы на предприятиях главных отраслей экономики региона – металлургии и горнодобывающей промышленности.

Ныне Чондин по сравнению с тем же Хамхыном или даже с находящимся в составе Северной Хамген приграничным городом Хвереном (родина матери Ким Чен Ира) находится

в запущенном состоянии. В этом, вероятно, далеко не последнюю роль играет недостаток внимания со стороны руководства страны, значительно чаще посещающим Южную Хамген. Отсталость Северной Хамген стала уже настолько разительной, что не могло не привести к замене в 2010-2011 гг. всех руководящих лиц провинции и города. Вновь назначенные руководители сразу же приступили к благоустройству населенных пунктов.

Значение для интересов Китая северо-востока КНДР проявилось в несколько необычной пиар-акции, предпринятой в начале 2011 г. В ряде СМИ в январе 2011 г. прошли, со ссылкой на южнокорейские источники, сообщения о том, что Китай ввел «незначительный» контингент своих войск в торгово-экономическую зону Расон как бы для защиты инвестиций.

Для большей достоверности южнокорейским источником было подчеркнуто, что КНДР, официально проводящая курс опоры на собственные силы, была вынуждена согласиться на такой унижительный шаг из желания любой ценой привлечь остро необходимые китайские капиталовложения. Анонимный китайский источник уточнил, что около полусотни китайских танков и бронемашин пересекли по мосту пограничную реку в районе северокорейского города Хверен (в 50 км от Расона) и двинулись в сторону ТЭЗ.

С китайской стороны опровергли подобные сообщения, отметив, что «без санкции ООН Китай не отправит за границу ни одного своего солдата». Тем не менее, нельзя исключить, что подобные информационные «утечки» подразумевает гипотетическую заявку Пекина на его особые интересы в северокорейском анклав Расон, которые, вполне возможно, будут отстаиваться со всей решимостью, вплоть до применения военной силы, в том числе и в случае возникновения каких-либо беспорядков среди северокорейского населения, чреватых нарушением спокойствия в приграничных районах КНР.

Ракетно-ядерные авантюры Пхеньяна уже привели к определенным геополитическим сдвигам в СВА. Изолированная и экономически блокированная КНДР пусть без большого желания, вынужденно, но оказалась под увеличенным китайским влиянием. Всю свою историю КНДР балансировала между двумя соседями – Китаем и Россией. Даже открывая ТЭЗ Расон, в Пхеньяне строили расчеты на примерно сопоставимое присутствие там России и Китая.

Однако ныне о российско-китайском балансе в Северной Корее говорить уже не приходится. Это четко просматривается на примере Расона, в котором Китай получил гораздо большую долю пирога в виде двух, а в перспективе трех причалов раджинского порта (Россия – один), ряда других объектов инфраструктуры (плюс целая экономическая зона Хвангымпхё в районе Синьиджу). Теперь можно говорить о начале этапа безальтернативного превалирования КНР в Северной Корее, напоминающего по многим параметрам времена вассальной зависимости корейцев от Китая.

Такая тенденция свидетельствует об укреплении устанавливаемых Пекином рычагов-подпорок для северокорейского режима, направленных на его долговременное сохранение в интересах Китая. У Пекина теперь стало больше заинтересованности в конкретном доминировании в Северной Корее, особенно в ее северо-восточной части, где обретен стратегически важный выход к Японскому морю, которого можно лишиться после гипотетического объединения Севера и Юга.

Расширение китайского присутствия в КНДР ведет к неоднозначным последствиям. С одной стороны, этот процесс усиливает влияние Пекина на политические процессы в Северной Корее, в том числе на вероятность и характер воссоединения Кореи. С другой стороны, тенденция усиления контроля Пекина над КНДР носит скорее позитивный характер, поскольку позволяет КНР выступать в СВА своего рода гарантом недопущения

обострения ситуации из-за опасных внешнеполитических авантюр Северной Кореи или обвального распада пхеньянского режима.

Оценивая влияние китайского фактора на развитие политической ситуации в Северной Корее, следует принимать во внимание растущее давление Китая, побуждающего северокорейское руководство к активным созидательным действиям. В последние несколько лет Пекин раздражает то, что:

- *Пхеньян не проводит рыночных реформ и политики открытости,*
- *продолжает играть в опасные военные игры (случай с затоплением южнокорейского корвета «Чхонан» в марте и обстрел южнокорейского острова в конце 2010 г.)*
- *и рассчитывает на внешнюю, прежде всего, китайскую помощь – в условиях, когда Сеул и Вашингтон практически приостановили оказание помощи со своей стороны.*

Еще во время визита Ким Чен Ира в Китай в августе 2010 г. китайское руководство прямо заявило, что Пхеньяну пора начинать рыночные реформы (*Ким Чен Иру было сказано: «путь к самообеспечению лежит через реформы и открытость»*) и укреплять роль партии. Теперь эти требования, а не только возвращение в шестисторонние переговоры, являются китайскими условиями оказания помощи.

ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗРЕШЕНИЯ КРИЗИСА СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО РЕЖИМА

Крах северокорейской политической системы, если это случится в обозримом будущем (сама по себе возможность такого развития событий – предмет отдельного исследования), почти наверняка привел бы к уничтожению КНДР как самостоятельного государства – независимого субъекта международного права. Исчезнут (какая-то часть уйдет в подполье) партийные организации, будут упразднены административная структура государства (от Верховного народного собрания и Кабинета министров до последней народной группы), армия, спецслужбы, общественные организации, перестанет функционировать госплановская модель северокорейской экономики.

Для начала это будет означать высвобождение сотен тысяч ставших ненужными функционеров прежнего режима, заведомо враждебно настроенных к новой власти и не обладающих знаниями и навыками, необходимыми для новой жизни. Скорее всего, посткоммунистическая Северная Корея будет поглощена Югом (прочие варианты возможны, но маловероятны), поэтому именно южанам придется озаботиться тем, как управлять новыми провинциями.

Если в центре еще можно представить себе южнокорейских управленцев, функционирующих под жесткой охраной южнокорейских же спецназовцев, то на местах «варягам» нормально работать не удастся. Держать в повиновении провинции и уезды без полиции, без управленцев и администраторов из числа местных жителей будет крайне тяжело, почти невозможно. Еще сложнее будет найти на местах таких людей, которые были бы способны к такой работе и одновременно не были бы «замазаны» сотрудничеством с прежними властями. Скорее всего, первые месяцы, если не годы ситуация во многих районах с точки зрения поддержания порядка и безопасности, борьбы с криминалом и функционирования социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение) будет близка к полной анархии.

Понятно, что в таких условиях рассчитывать на приход частного капитала, во всяком случае, без мощного государственного спонсирования, из Южной Кореи и, тем более, из других стран не придется. Южнокорейское государство само будет вынуждено взять на себя основную нагрузку по экономическому развитию новых территорий, причем продвигаемые там проекты длительное время будут убыточными даже с учетом дешевизны северокорейской рабочей силы. Они, скорее всего, будут представлять собой некие анклавные зоны, своего рода южнокорейские вкрапления во враждебной среде с соответствующими обременениями в виде крайне дорогостоящей независимой логистики.

Мало подготовленным к новым условиям, которые, видимо, будут близки к традиционному периоду первоначального накопления капитала, т.н. дикому капитализму, окажется и основная часть северокорейского населения. Поток малоквалифицированной рабочей силы, не привыкшей к требованиям капиталистического производства и законам рынка, создаст проблемы для южнокорейской экономики. Но в самой Северной Корее трудностей будет не меньше.

Среди наиболее острых вопросов – что будет с кооперативной землей, как ее делить? Не вызывает сомнений, что северокорейский крестьянин, получи он рисовые и кукурузные поля в свою собственность, сможет если не полностью накормить страну, то значительно снизить остроту продовольственной проблемы. Однако сам по себе процесс разгосударствления кооперативной собственности может быть весьма напряженным, чреватым серьезными конфликтами.

С промышленными предприятиями дело обстоит несколько проще, поскольку подавляющая часть индустриального потенциала КНДР к настоящему времени уже не представляет серьезной ценности. В Северной Корее легче строить новые заводы, чем реконструировать то, что есть. Однако строить заводы (пусть не скоро, но когда-то этот процесс все же начнется) будут для себя хозяева со стороны.

Северянам же придется смириться с тем, что им в экономике объединенной страны достанется роль париев без каких-либо возможностей в будущем. К слову сказать, об этой перспективе хорошо знают и представители современного северокорейского среднего класса, которые осведомлены и о германском опыте, и о южнокорейских подходах к эвентуальному объединению. Именно поэтому для нынешней северокорейской элиты, к которой, помимо партийно-государственной номенклатуры, можно отнести все более разрастающуюся экономически активную часть населения, объединение страны представляется далеко не самым привлекательным вариантом развития событий.

Основная масса населения, страдающая от бытовых невзгод и лишений, в принципе ждет от объединения улучшения своего положения и поэтому приветствовала бы этот процесс. Люди, которым нечего терять, не задумываются о неизбежных проблемах, и, возможно, не слишком переживали бы по поводу демонтажа нынешней политической системы. Что касается среднего класса, то он все же предпочел бы эволюционное развитие собственной страны, и, скорее всего, как минимум с настороженностью отнесся бы к перспективе перехода в подчиненное по отношению к южнокорейцам положение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общие итоги и взгляд в будущее

Северная Корея переживает в настоящее время сложный, во многом решающий ее судьбу этап своей истории. Прочность политической системы проходит испытание в связи со сменой поколений в руководстве страны.

Кончина в декабре 2011 г. многолетнего (с 1994 г.) руководителя КНДР Ким Чен Ира и приход нового лидера в лице Ким Чен Ына неизбежно ставят вопрос о влиянии смены власти в Пхеньяне на судьбу северокорейского государства. Потребуется время для того, чтобы оценить степень преемственности и новизны в политике, экономике и дипломатии КНДР. Пока же в первом приближении можно попытаться наметить самые общие контуры происходящих процессов.

В первую очередь, следует отметить явное желание нынешних руководящих кругов подчеркнуть единство подходов ко всем ключевым вопросам переходного периода. Во-первых, была продемонстрирована скорбь руководителей и всего населения по поводу кончины национального лидера. Во-вторых, члены высших органов партии и государства, включая военачальников, единодушно одобрили приход к власти сына покойного вождя. В-третьих, просматривается явное стремление выразить преемственность позиции руководства страны в отношении вопросов внешней политики и обеспечения безопасности режима. Во внешнеполитической риторике сохраняется традиционный наступательный пафос.

Однако за общей, типичной для предшествующего периода фразеологией просматриваются различия в подходе к оформлению прихода к власти нового вождя. Налицо попытка ускорить формальное закрепление за Ким Чен Ыном статуса главы государства, партии и армии. Если Ким Чен Ир мог в обстановке политической стабильности править после кончины Ким Ир Сена, объявив трехлетний траурный период и не занимая официальных постов, то его сыну трудно позволить себе такой большой срок переходного периода.

Ким Чен Ира готовили к роли приемника своего отца около двадцати лет, дав ему возможность пройти основные ступени бюрократической лестницы, приучая к идее наследуемой власти партийный и государственный аппарат, армию и службу безопасности, постепенно доверяя молодому руководителю самостоятельные участки. Экономические проблемы, обострившиеся в КНДР в первой половине 1990-х годов (как раз к приходу Ким Чен Ира к власти) пропаганда объясняла предательством в мировом коммунистическом движении, приведшим к краху Советский Союз и социалистические государства в Восточной Европе. В итоге, с точки зрения северокорейского общества, легитимность Ким Чен Ира не подлежала сомнению, новый руководитель встал у государственного руля, уже будучи «любимым руководителем», способным вести страну начертанным его отцом курсом.

Ким Чен Ыну приходится решать гораздо более сложную задачу подтверждения обоснованности своих претензий на власть. Ему еще предстоит завоевать политический авторитет национального вождя. В качестве приемника младший сын Ким Чен Ира, которому не исполнилось на тот момент и тридцати лет, был представлен партии и народу только в сентябре 2010 г., на специально созванной для этого партконференции.

Накопившиеся в северокорейской экономике острые проблемы, прежде всего продовольственную проблему, в современных условиях трудно объяснить только негативным зарубежным влиянием. Начиная с 2002 г. власти предпринимали попытки оживить хозяйственные процессы, делая шаг в сторону квази-рыночных отношений, но

затем, делая два шага назад, возвращались к административным принципам руководства, прибегая к конфискационной финансовой реформе, похожей по своему характеру на павловскую, реализованную в СССР в конце горбачевской «перестройки».

Внятных рыночных реформ реализовано не было, но ускорился процесс разложения и деформации старой административно-командной системы. Возникли и широко распространились «серые» схемы вывода некоторых функций управления частью государственной собственности в личное распоряжение хозяйственных руководителей (директоров заводов, строительных организаций, начальников транспортных и торговых предприятий и т.д.). Этот процесс проходит с позволения, а то и при участии административных, партийных и военных руководителей разного уровня.

Таким образом, новая власть унаследовала усиление негативных процессов: коррупции, криминализации общества, углубления социального неравенства, девальвации идеологических постулатов. Ей уже сразу приходится брать на себя ответственность за обострившиеся хозяйственные проблемы, предлагать свое видения социально-экономического развития. В этих условиях решение вопросов стратегического характера едва ли возможно затягивать надолго, поскольку в таком случае в северокорейском обществе будут усиливаться деструктивные тенденции, связанные с абсолютной неэффективностью экономики и с наследием конфронтационной внешней политики. Новые власти не могут позволить развиваться в правящем классе КНДР «кризиса неопределенности».

Во внешней политике новому руководству потребуются представить свое видение развития страны. Соседи КНДР в лице Китая и России, заинтересованные в предсказуемости политических процессов у своих границ, ждут готовности Пхеньяна решать вопросы обеспечения безопасности на Корейском полуострове в рамках международного диалога, а потому рассчитывают на возвращение КНДР в шестисторонние переговоры.

Наведение мостов в отношениях с США и Японией (что отвечает долгосрочным целям Пхеньяна) также требует от северокорейских руководителей четкого определения своих приоритетов в области политики, экономики и безопасности. В конечном итоге заявленные цели нового руководства определяют возможности развития страны, характер и перспективы межкорейских отношений.

Приход к власти в Пхеньяне Ким Чен Ына был встречен соседними государствами и США с ожиданием, что новая администрация внесет ясность в ключевые аспекты северокорейской внутренней и внешней политики. Хотя позиции этих стран по корейской проблематике далеко не всегда совпадают, в данном случае было проявлено редкое единодушие в отношении двух вопросов. Первый из них – неприятие ядерного статуса КНДР. Второй – намерение дать новому руководству в Пхеньяне время продемонстрировать свои приоритеты в отношении внутреннего развития страны и во внешней политике, прежде всего в приложении к Корейскому полуострову.

Между тем нынешней северокорейской администрации приходится действовать в состоянии политического цейтнота. Хотя партийно-административное и военное руководство на партконференции Трудовой партии Кореи, состоявшейся в апреле 2012 г., присягнуло на верность новому лидеру, получившего затем звание маршала, а влиятельный Ли Ен Хо – 1-го зам. Председателя ГКО, начальника Генштаба КНА, напротив, в июле 2012 г. лишился всех постов, для укрепления легитимности Ким Чен Ыну необходимо предъявить обществу и «элитам» свою «историю успехов», освященную его именем, а также продемонстрировать населению осязаемое свидетельство того, что гражданам Северной Кореи «жить стало лучше, жить стало веселей».

В этих условиях декларация о запуске спутника, дополненное раздачей накопленного к празднику продовольствия, казалась, давала возможность в апреле 2012 г. эффектно

отпраздновать столетний юбилей Ким Ир Сена, привлечь внимание внешнего мира и одновременно продемонстрировать отсутствие боязни «буржуазного звона», а также удовлетворить амбиции военных. В конечном итоге все это должно было повысить авторитет Ким Чен Ына внутри страны как национального руководителя.

Новые власти действовали по привычной для северокорейского режима схеме, пытавшегося регулярно (часто не без успеха) выставлять на торги готовность Пхеньяна ограничить применение «ракетного потенциала». При обычной податливости внешних партнеров такие действия сулят неплохие, да еще регулярные барыши, позволяющие залатать бреши, вызванные нехваткой продовольствия, топлива и т.п. Видимо все эти факторы побудили новые власти КНДР сделать выбор в пользу запуска спутника.

Однако такое развитие событий не устроило соседей КНДР и США, некогда составлявших с КНДР переговорную «шестерку», обсуждавшую возможность и условия ограничения ракетно-ядерных амбиций Пхеньяна. Негативно восприняла происходящее и Москва. В комментарии МИД РФ от 16 марта 2012 г. упоминается, что резолюция Совбеза ООН № 1874 «требует от Пхеньяна отказаться от всех пусков с использованием технологий баллистических ракет, независимо от того, идет ли речь о ракетах военного назначения или гражданских ракетах-носителях». Российский МИД призвал КНДР «не противопоставлять себя международному сообществу», а от всех заинтересованных сторон в Москве ожидают «максимальной сдержанности». Решение проблемы МИД РФ видит в перезагрузке «шестистороннего переговорного процесса», способного оздоровить обстановку на Корейском полуострове и, в конечном итоге, способствовать снятию «санкционных ограничений»³.

Первая годовщина существования администрации Ким Чен Ына ознаменована ракетным запуском 12 декабря 2012 г., официальной целью которого объявлен вывод в космос искусственного спутника. Это событие широко отмечалось в КНДР, однако было осуждено соседними государствами и Советом Безопасности ООН, которые выступают против реализации северокорейской ракетной программы, имеющей военное значение.

В принятом по этому поводу Заявлении МИД РФ выражено «глубокое сожаление» новым ракетным запуском, осуществленным КНДР⁴. Российское внешнеполитическое ведомство отмечает нарушение северокорейской стороной резолюции Совета Безопасности ООН №1874, что «не будет способствовать укреплению стабильности и окажет негативное влияние на общую обстановку в Северо-Восточную Азию». Такой шаг Пхеньяна «серьезно затруднит перспективы многостороннего экономического сотрудничества в регионе»⁵.

Со своей стороны, руководство КНДР, несмотря на решения Совбеза ООН и зарубежные протесты, выражает готовность «строить и запускать новые спутники»⁶. Такая позиция Пхеньяна свидетельствует о сложившихся политических предпочтениях: успехи в реализации ракетной программы призваны укрепить авторитет новой власти внутри страны и заставить иностранные государства считаться с военным потенциалом КНДР. Тем самым фактор силы призван стать весомым аргументом при возможных переговорах о политической ситуации на Корейском полуострове, а также доводом, побуждающим внешних партнеров с большей готовностью идти навстречу КНДР при обсуждении экономических вопросов.

Вместе с тем настойчивая реализация КНДР ракетной программы объективно затрудняет возобновление многостороннего переговорного процесса, способного

³ Комментарий МИД России о предстоящем запуске в КНДР искусственного спутника Земли. <http://www.mid.ru>

⁴ Заявление МИД России в связи с осуществленным в КНДР ракетным запуском. 12.12.2012. <http://www.mid.ru>

⁵ Там же.

⁶ 14.12.2012. <http://www.tvc.ru>

содействовать нормализации политической обстановки на Корейском полуострове и развитию регионального экономического сотрудничества, включая активизацию межкорейских обменов.

В этих условиях остается открытым вопрос, как КНДР сумеет совместить реализацию дорогостоящих ракетных (и ядерных) приоритетов с давно назревшей необходимостью поднять эффективность своей экономики. Так же как неясным остается вопрос о долгосрочной позиции международного сообщества, прежде всего ООН и участников шестисторонних переговоров, в отношении ракетных амбиций Пхеньяна.

Реагируя на внешние критические заявления о ракетных запусках, северокорейскому руководству в конечном итоге придется ответить на ключевой вопрос: предпочитает ли оно следовать традиционной схеме поведения, исходящей из сохраняющейся изоляции и противостояния внешнему миру, или готово к прагматичному сотрудничеству с другими странами.

Главный вызов для КНДР лежит не в сфере военной безопасности и во внешней политике, а в экономике. Застой и деградация хозяйственного комплекса неизбежно приведут к подрыву социальной и политической стабильности. Найти адекватный ответ в рамках существующей модели и без международной помощи невозможно. Парадокс состоит в том, что и проведение реформ способно потрясти устои северокорейского режима до основания. Слишком много времени было уже потеряно, чтобы попытаться с минимальными издержками трансформировать северокорейское государство в сторону рыночной экономики и большей, необходимой для развития открытости.

Вместе с тем попытка создать при помощи иностранного капитала точки сцепления национальной экономики с региональной (главным образом через межкорейское сотрудничество, в том числе при участии третьих стран) способна дать северокорейцам хоть и небольшой, но все же шанс смягчить внутренние потрясения и постепенно адаптироваться к современным мировым процессам путем поэтапной интеграции с Республикой Корея.

Пока в Северной Корее пытаются найти возможности оживить хозяйственные процессы традиционными для «социалистической» экономики методами. Руководством страны обсуждаются вопросы увеличения производства «товаров народного потребления» для удовлетворения «растущих потребностей трудящихся». Соответственно, на повестке дня стоит вопрос о перераспределении ресурсов в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности. Однако, судя по всему, к каким-либо решительным мерам северокорейское руководство прибегнуть все еще не готово, ограничиваясь паллиативами. Тем более что по-прежнему подчеркивается необходимость первоочередного обеспечения нужд армии. Изменению сложившейся ситуации внутри страны могли бы способствовать сдвиги во внешнеполитической ситуации. Между тем пока к этому нет никаких предпосылок.

Поэтому говорить о существенных изменениях в КНДР представляется преждевременным, для этого они должны набрать критическую массу, позволяющую наметить более или менее устойчивые тренды. По первым результатам правления новой администрации можно сделать самые предварительные оценки.

Отсутствие фундаментальных перемен компенсируется изменениями во внешних проявлениях, которые подаются новой властью в качестве свидетельства новаторских подходов в социально-экономической политике, а главное – в заботе о простом человеке. Такой подход типичен для тоталитарных режимов в период смены лидеров.

Характерный пример представляет собой Советский Союз в первый год после смерти Сталина. Откладывая решение фундаментальных вопросов внутреннего развития и решения назревших проблем внешней политики, Хрущев и его тогдашние соратники стремились

продемонстрировать, что уже в первые месяцы деятельности новой власти процесс обновления страны успешно начался. Этому в немалой степени способствовали показательные меры, направленные на внешний эффект.

Именно тогда был открыт для свободного посещения советскими гражданами Кремль, превращенный после революции в «закрытый город». Одновременно ГУМ, в котором в сталинский период располагались правительственные организации, обрел статус крупнейшего универмага страны. Сам Н.С. Хрущев ввел в практику постоянные поездки по стране и публичные выступления первого лица, что весьма редко, особенно в последний период своего правления, делал Сталин. Обычным стало прямое общение вождя с людьми с улицей, рабочими и крестьянами.

В это же время миллионы советских людей узнали, что у их политического руководителя есть супруга, которая участвует в официальных протокольных мероприятиях. В совокупности все это создавало впечатление новизны, зримого проявления «заботы о трудящихся», обновления системы отношений власть-общество.

Аналогичные шаги предпринимаются новой северокорейской администрацией. Возводятся или обновляются зоны отдыха, открываются современные универмаги, Ким Чен Ын свободно общается с солдатами и гражданским персоналом, много выступает (что избегал делать его отец), одобряет концерты современной музыки. На общественной сцене появилась жена национального лидера, демонстрирующая готовность поддержать все начинания вождя. Таким образом, в Северной Корее задействован весь арсенал мер, апробированных еще советским опытом.

Между тем демонстрационные меры без улучшения экономической ситуации не могут быть эффективными длительное время. При этом северокорейский режим не может рассчитывать на резервы роста, которыми располагали советские руководители после смерти Сталина. Существенное различие между СССР и КНДР состоит в том, что Советский Союз обладал неизмеримо большей ресурсной базой: людской, аграрной, топливно-сырьевой, научно-технической.

Понимание новой администрацией необходимости пересмотреть в нынешних обстоятельствах если не суть, то, по крайней мере, крайности социально-экономической политики, которые завели Север Кореи в тупик, будут подталкивать власти рассмотреть возможности обеспечить минимум потребностей населения за счет перераспределения бюджетных средств. Какими будут масштабы этого процесса, в какой мере это затронет интересы армии, какова будет реакция генералитета, наконец, как будут использованы перераспределяемые средства – все это во многом определит экономическую и внутривластную ситуацию в стране, а, в конечном итоге – устойчивость режима.

Однако было бы упрощением связывать нынешний кризис в КНДР исключительно с внутривластными процессами. Низкий уровень доверия и взаимонепонимания между пятью другими участниками шестисторонних переговоров, различия в их внешнеполитических приоритетах являются существенными факторами, отрицательно влияющими на политическую ситуацию на Корейском полуострове и в СВА в целом.

Между тем проблема состоит в том, что решение вопроса о ядерном статусе КНДР, также как и ее будущее, должны быть встроены в качестве важного элемента в сформированную в перспективе региональную систему безопасности, учитывающую интересы всех расположенных здесь государств. Другой важный аспект решения проблемы – увязка вопросов обеспечения безопасности и регионального экономического сотрудничества.

Практическое воплощение такого рода подхода к решению проблем Корейского полуострова могло бы быть найдено в ходе пятисторонних переговоров с участием Республики Корея, Китая, Японии, США и России. Для начала темой возможных переговоров могло бы стать недопущение закрепления за КНДР неформального статуса «буферного» государства, расположенного между Россией и Китаем, с одной стороны, Республикой Корея, Японией и США – с другой. В ином случае сохранится питательная среда для взаимных подозрений, недоверия, латентных, а возможно и реальных конфликтов.

России придется внимательно отслеживать проявившиеся тенденции и при надлежащих условиях активно включиться в обмен мнениями, поддержать пятисторонний формат переговоров об обеспечении безопасности и регионального экономического сотрудничества на Корейском полуострове и в СВА. Поиск «пятеркой» взаимоприемлемых решений придаст бы позитивный импульс трансформации КНДР в сторону рыночной экономики, создаст благоприятные условия для ее большей открытости внешнему миру, укрепит основы региональной безопасности. В свою очередь, развитие межкорейского сотрудничества и интеграции отвечает стратегическим интересам России на Корейском полуострове и в СВА.

Опираясь на проведенный анализ и оценивая возможность и перспективы реформирования Северной Кореи, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Нынешний режим пока не продемонстрировал способности вести реальные реформы.
2. Пойти по пути реформ могут те северокорейские руководители, которые имеют выход за рубеж и на основе своего понимания мировой ситуации могут признать неизбежность трансформаций в направлении рынка и открытости внешнему миру.
3. При этом в Северной Корее нет силы, которая могла бы устранить с политической арены ТПК. В то же время заслуживает дополнительного изучения, вспоминая опыт первого года существования бывшей ГДР без СЕПГ, возможность использования для политической трансформации двух других формальных партий: Социал-демократической и религиозной партии «Небесного пути» буддистского толка.
4. Структура экономики Северной Кореи – преобладание военного производства и тяжелой промышленности при относительно малой (30% населения) доли сельского хозяйства, способного амортизировать социальные потрясения – говорит о том, что переход к рынку, скорее всего, может осуществляться по схеме, более близкой к скоротечному российскому варианту, чем к эволюционной китайской.
5. Однако главная проблема состоит в том, как встраивать в цивилизованные рыночные схемы реальную основу, поддерживающую внутренние экономические балансы – черно/серую экономику Северной Кореи вместе с теми реальными людьми, которые ею управляют.
6. Стратегические угрозы состоят в возможном расколе Северной Кореи на два-три региона. И, главное – в превращении нынешнего тоталитарного, командно-распределительного и закрытого режима в нео-авторитарный, квази-рыночный, частично открытый, но неустойчивый и все еще очень далекий от рыночно-демократических моделей пост-социалистического мира.

Учет этих базовых выводов, на взгляд авторов работы, поможет выявить реальные перспективы и возможности «мягкой посадки» Северной Кореи «в период после Ким Чен Ира».